ПСАЛТИРЬ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА:
историко-стилистические процессы в музыкально-поэтическом творчестве

Е.Е. Васильева

Псалтирь в древнерусской культуре занимала особенное место: источник для текстов, организующих суточный и недельный богослужебный цикл, ключ к стихирам, к проповедям, она в то же время отдельными стихами и образами вошла в речевой обиход и живой язык. Не будет преувеличением сказать, что в ней заключалось начало образования и воцерковления, на ней основывались книжная премудрость, постижение письменности и языка богослужения. Переведенная на древнерусский/церковнославянский язык, она была самой читаемой и многообразно читаемой книгой. За богослужением и в ученических опытах, в монастырском келейном правиле и в благочестивой крестьянской ли, княжеской семье — она лежала перед чтецом, и звучание ее объединяло всех находящихся в храме или в доме.

В культуре Нового времени Псалтирь, сохраняя богослужебные функции, оказалась включенной в обособившийся, создававший свое русло литературный процесс. Поэтические переложения псалмов позволяли испытать и продемонстрировать возможности русского языка. Эти опыты играли ту же роль, что и обращения к другим высоким авторитетам мировой литературы, античной лирике и эпосу. Немало известных по сие время стихотворений появились в трактатах по стихосложению в качестве примеров. 143-й псалом был «орудием» в состязании трех поэтов, М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского и А.П. Сумарокова, причем соревновались они не ради личной славы, но отстаивая достоинства избранного каждым из них стихотворного размера. Разумеется, обращения к псалмам не были обусловлены только профессиональными задачами. Действовали побудительные мотивы личного плана, о которых, в отличие от профессиональных, авторы не объявляли. И великие поэты, для которых духовные оды были высоким полюсом поэзии, и безымянные авторы следовали глубоко укорененной традиции — обращения к тому или иному псалму в различных житейских ситуациях.

В целом XVIII в. разделил отношение к Псалтири и ее присутствие в духовной жизни России на самостоятельные планы: традиционной культуры, продолжающей свое медлительное, соизмеримое с вечностью, бытие и литературы, что соответствовало в целом новой культурной парадигме, воздвигающей светские приоритеты, обновление и прогресс как идеал состояния мира.

Однако предметом настоящей статьи является не литературный процесс и поэзия XVIII в., а то, что этому предшествовало. Все великие реформы, скорые и суровые перемены, постигавшие Россию с начала царствования Петра Великого, начинались и были испробованы в XVII в. Это касается основ жизни государства, политики, экономики, организации военного дела, различных областей культуры. Предмет нашего интереса может быть рассмотрен в контексте этих проб и испытаний; но в настоящий момент мы ставим задачу весьма скромную и определенную, обозначить само его существование, привлечь внимание к феномену Новоиерусалимской (Никоновой) школы и псалмам новоиерусалимских песнотворцев[1].

Начнем с термина «псалм». Смысловое поле этого термина три века назад было иным, более широким и подвижным, нежели установившееся к XX в. представление о Псалтири как литературном памятнике. Оно соответствовало культурной традиции, для которой псалмы были *своим языком*, предполагали личное участие в произнесении и переживании текстов, допуская их пересоздание.

[1] Об истории открытия этого феномена см.: *Позднеев А.В.* Никоновская школа песенной поэзии // ТОДРЛ. Т. 17. М.; Л., 1961. С. 419–428; *Он же.* Рукописные песенники XVII–XVIII вв.: из истории русской силлабической поэзии. М., 1966.; *Васильева Е.Е.* Новоиерусалимская школа в контексте русской культуры XVII века // Человек верующий в культуре Древней Руси. СПб., 2005. С. 107–127.

В этом плане особенно заметны различия судеб духовной поэзии в православном мире и в европейском, пережившем к XVII в. потрясения Реформации. В контексте европейской культуры Нового времени псалмы — это новые духовные песни на родном языке. Переводы из библейской книги были литературным деянием, но право каждого языка славить Бога осознавалось как один из главных аргументов протестантского движения. Псалмы/духовные гимны становились его знаком и знаменем. Противостояние конфессий, сплетенное с национальными и политическими конфликтами, разрешалось религиозными войнами. В восточных пределах, в Речи Посполитой и Великом княжестве Литовском они не принимали такого трагического напряжения, как в германских землях — веротерпимость была одной из существенных черт этих государств.

Контрреформация не отменила духовных песен на родных языках. Усвоенные традицией, они прочно заняли свое место в качестве культурного достояния славянских народов, некогда составлявших польско-литовское государство (поляков, белорусов, украинцев). Появление их в московском государстве было естественным следствием контактов с соседями и, вероятно, более всего обязано переселению православного народа из западных земель в опустевшую после эпидемии столицу. Тетрадки с тремя нотными строчками и поэтическими текстами, записанными кириллицей, были, по-видимому, драгоценным личным достоянием, с которым переселенцы не расставались. Обращение этих тетрадок и текстов в русском обществе можно проследить только в самых общих чертах; по-видимому, это было частным делом многих людей.

Духовная лирика в песенной форме вошла в русскую культуру «рукописными песенниками», положив начало новой форме музыкального быта, «книжным песням». Однако этот процесс не был только спонтанным. В большой степени его сформировало творческое деяние братии монастыря Нового Иерусалима. Ставропигиальный Живоносного Воскресения Христова монастырь волею своего создателя стал уникальным культурным центром, все области жизни которого соединяли строгое следование православным традициям и творческое освоение новых приемов мастерства[2]. Эта черта ярко проявилась в круге и в порядке установленных в монастыре пений: Святейший Патриарх Никон инициировал (и сам положил тому начало вложенными в монастырь певческими рукописями) составление обширного свода монодийных песнопений. Следуя уже сложившейся практике многороспевности (т.е. использования «в очередь» большого и малого знаменного, греческого, болгарского, сербского роспевов), включая демественные песнопения, заключая последовательность стихир партесными славниками, монастырь был готов к «немолчному пению» — не прекращающейся, переходящей от престола к престолу службе[3].

Вновь созданные псалмы не предназначались для пения за богослужением. Они были сродни личной молитве или келейному правилу, совершаемому по благословению духовного отца. С точки зрения внешней, не монастырской (как по законам традиционной культуры, так и по классификации искусствоведческой) это лирика, напитанная рефлексами молитвословий, догматиков, памятей, и в то же время открытая для самостоятельных образов, личностных мотивов, философских размышлений.

По благословению Святейшего Никона новоиерусалимские песнотворцы создали свод духовных песен, перелагающих православное предание в песенных формах. Анализ рукописных песенников ново-иерусалимского круга и закрепленного ими корпуса псалмов Ново-Иерусалимской школы дает основания для предположений о том, как формировался замысел, какова была последовательность работы*.

---

[2] См.: *Патриарх Никон*. Труды / сост. и общ. ред. В.В. Шмидта. М., 2004; Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. Спецвыпуск к № 2: Поруганно-порушенная и восстанавливаемая святыня: Святого Живоносного Воскресения Христова монастырь Нового Иерусалима (наследие Патриарха Никона).

[3] См.: *Васильева Е.Е.* Новоиерусалимская школа песнотворчества (по рукописям российской национальной библиотеки) // Древнерусское песнопение: пути во времени. Вып. 3. СПб., 2008. С. 161–186.

* Предположение — единственная возможная форма для связных представлений о Ново-Иерусалимской школе при отсутствии документальных свидетельств и авторизованных текстов. Приняв такое допущение, рассматривая рукописи в контексте историческом и с учетом сопредельных языковых (музыкальных и поэтических) комплексов, мы можем, хотя и в гипотетической форме, выявить динамику временной координаты.

Циклы *Месяцеслов* и *Алфавит* были первым большим, основательным созданием Ново-Иерусалимской школы[4]. Этот труд, объединявший нескольких творцов*[2], оборвался с переменами жизни монастыря после суда над Патриархом Никоном и его ссылки. Выразительно и ярко об этом свидетельствует оборванная работа над песенным переложением Песни песней[5]. Характерные свойства, объединяющие этот ряд псалмов, следуют из особенностей музыкальной трактовки строфы, части которой по-разному подают стихи (равные по числу слогов) в звучании. Организация звучащего стиха многомерна, в ней значимы отношения по длине слогов, частей стиха, игра ритмических масштабов, а также разные способы выявления речевых акцентов и фразовых ударений. Перечислим и более общие черты, с одной стороны, определяющие стиль времени (барокко-предклассицизм), с другой — благодаря конкретным проявлениям становящиеся характеристикой школы: модальные последовательности вертикалей; мелодика, основанная главным образом на сочетании терцовых ячеек; четко осознанное функциональное двухголосие; мензуральная основа записи ритма, «обиходный» звукоряд*[3]. Обратим внимание и на то, что союз музыки и поэзии в этой группе произведений нерасторжим: стихи и музыка предназначены друг для друга и компоненты двуединого текста не меняются.

Рукопись, благодаря которой точнее всего выявляется состав и замысел циклов, имеет выразительную структуру[6]. Первую ее половину, сто номеров, составляют Месяцеслов, Алфавит и положенный с ними рядом корпус записанных кириллицей *кантык*[7]. Вторая половина запечатлела разнообразные произведения, расставленные по алфавиту, который здесь не имеет символического значения, но служит способом упорядочивания большого числа текстов. Здесь между троическими гимнами, богородичными, главами Песни песней, прижившимися в «песенном обиходе» пришельцами (от *литвин* или *черкасов*), псалмами святым и праздникам есть и песенные версии Давидовых псалмов.

Они присутствуют и в других рукописных песенниках, обобщающих и систематизирующих новоиерусалимское наследие. Среди помет к конкретным текстам и обозначений разделов в нескольких рукописях встречается выразительное название — «псалтирные псалмы»; оно дает представление о том, насколько привычным было именование всей духовной поэзии в песенных формах псалмами. В Приложении помещена таблица 1, в которой собраны сведения о *псалтирных псалмах* по пяти наиболее полным рукописям новоиерусалимского круга.

Каждой рукописи отведен свой столбец. После инципитной строки первыми помещены сведения по рукописи с самой педантичной и последовательной тематической классификацией (и в реестре, и в корпусе есть соответствующее название раздела — «псалтирные псалмы»). Мы не будем останавливаться на характеристике остальных

---

[4] Об этих циклах и их поэтические тексты см.: *Васильева Е.Е.* Новоиерусалимская школа песнотворчества // *Патриарх Никон*. Труды. С. 823 — 873. (Следует оговорить, что последние 12 частей *Алфавита*, добавленные для нужного числа букв, не входят в это стилистическое ядро.)

*[2] По гипотезе А.В. Позднеева, ключевой фигурой в этот период мог быть Епифаний Славинецкий; однако приведенные им аргументы касаются только поэтических текстов, а без участия поющей братии псалмы, составляющие эти циклы, не могли быть созданы — см.: *Позднеев А.В.* Рукописные песенники... С. 70–79.

[5] Об истории этого цикла см.: *Васильева Е.Е.* Песнь песней Ново-Иерусалимских песнотворцев // Материалы Кирилло-Мефодиевских чтений. Вып. II. СПбГУКИ: Труды. Т. 184. СПб., 2009. С. 254–274.

*[3] Не имея возможности развернуть описание и анализ материала, ограничимся этой сухой констатацией и отсылкой к статьям, посвященным разбору конкретных произведений: *Васильева Е.Е.* Новоиерусалимские песнотворцы: О первой русской композиторской школе // Павел Александрович Вульфиус: Судьба. Творчество. Память. СПб, 2008. С. 195–212; *Она же*. Песнь песней Ново-Иерусалимских песнотворцев // Материалы Кирилло-Мефодиевских чтений. Вып. II. Т. 184.

[6] РНБ ОР. Тит. 4172. Подробнее о ней см.: *Васильева Е.Е.* «Рукопись замечательная...» // Социальные конфликты в России XVII–XVIII веков: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Саранск, 2005. С. 264–278.

[7] Язык и происхождение (польское, украинское, белорусское) этих текстов поднимают особый сложный круг проблематики, которого мы сейчас не касаемся — см. подробнее: *Васильева Е.Е., Заболотная Н.В., Кручинина А.Н.* Музыкально-литургическое наследие никонова монастыря Нового Иерусалима // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. Спецвыпуск к № 2. С. 267–275 (Новоиерусалимская школа песнотворчества).

книг[*4], чтобы не отвлекаться от основной темы. В соответствующих столбцах и строках приводятся *пометы*, сопровождающие те или иные тексты в некоторых рукописях.

Таблица демонстрирует устойчивое бытование ряда псалмов в качестве духовной лирики (книжных песен). В более поздних рукописных песенниках (петровской, елизаветинской и екатерининской эпох) *псалтирные псалмы* непременно присутствуют, но состав их постоянно обновляется. Не имея возможности развертывать этот аспект, отметим только, что стилистические ориентиры как в поэтической технике, так и в музыкальном воплощении быстро сменяются, следуя за временем и обновляющимися вкусами (вплоть до ритма менуэта, полонеза, привлечения образцов инструментальной музыки).

Приводимая в Приложении таблица 2 возвращает нас к рукописи Тит. 4172 и ее структуре.

В этой таблице репрезентируются первые строфы псалмов из всех выше названных разделов, указано их положение в рукописи. В других столбцах размещены сведения, помогающие соотнести песенные версии псалмов с их прототипами, и комментарии, указывающие разного рода связи каждого текста. Отметим, что среди всех ново-иерусалимских псалмов *псалтирные* потребовали наибольшего числа таких комментариев. Установленное авторство — редкость для рукописных песенников вообще и для старейших в особенности. Исключение составляют тексты, несущие акростихи с именем. Книжные песни принципиально безымянны: войдя в круг камерного музицирования, они становятся общим достоянием и не хранят память об авторе (это относится и к хорошо известным именам, как Ломоносов, Сумароков, Державин). Среди приводимых нами в качестве иллюстрации *псалтирных псалмов* два атрибутированы по акростихам (созданы ново-иерусалимскими песнотворцами), пять принадлежат польской псалтири Яна Кохановского и один «Псалтири Рифмотворной» Симеона Полоцкого.

Еще одна графа отведена сведениям о политекстовых (т.е. соединяющихся с несколькими поэтическими текстами) партитурах; в ней обозначены связи/союзы именно по этой рукописи. В конце статьи, в Приложении, мы воспроизводим избранные псалтирные псалмы по рукописи Тит. 4172. Выбранные из всех разделов, они размещены в соответствии с оригиналом. Тому же порядку следуют комментарии.

1: Из Алфавита

Первый из приведенных псалмов — 5-я часть Алфавита. Его нельзя счесть версией Псалтири, это не входило в творческий замысел — недаром снят инципит, и вместо хорошо знакомого *Благослови душе моя Господа* текст начинается стихом *Да восхвалит вся тварь умами*. Вдохновенная картина мироздания, развернутая в 103-м псалме, передается ярко, точно и в то же время свободно; последние строфы выходят за границу ветхозаветного текста, завершая Священную историю главными событиями Нового Завета. Это не столько переложение, сколько диалог с Псалтирью, продолжение жизни текста в его пересоздании.

Подобным образом некоторые части *Алфавита* расширяют и толкуют тексты молитв (*Господи и царю*; *О Трощe пресвятая*), канона (*Крест чтим Господень*)[8]. Органичное интонационное воплощение стиха и изысканная строфика характерны для этого цикла.

2: Польские псалмы Кохановского

Далее следуют тексты из «польского корпуса». Знакомство с ними предварим краткой справкой. Псалмы Яна Кохановского соприкоснулись с русской песенной культурой, пройдя почти вековой этап устно-письменного бытования[*5]. Не углубляясь в историю и в то, что значил перевод всей Псалтири с латинского на живой польский язык, отметим необходимый аспект. Псалтирь

[*4] Краткая характеристика приведена в упомянутой выше статье *Васильева Е.Е.* Новоиерусалимская школа песнотворчества (по рукописям российской национальной библиотеки) // Древнерусское песнопение: Пути во времени. Вып. 3: По материалам научной конференции «Бражниковские чтения — 2005». СПб., 2008, С. 161–186.

[8] Поэтические тексты всех частей Алфавита см.: *Патриарх Никон.* Труды. С. 823–873. Подробный анализ партитуры «Да восхвалит вся тварь» см.: *Васильева Е.Е.* Псалмы Новоиерусалимской школы и Псалтирь // Древнерусское песнопении: пути во времени. Вып. 4.

[*5] Ян Кохановский, великий польский поэт (1530–1584); его перевод Псалтири см. здесь — с. 196; также см. рус. издание его сочинений: *Кохановский Ян.* Избранные произведения. М.; Л., 1960 (Литературные памятники); в этом издании содержится статья с характерным названием: *Будзык К.* Ян Кохановский — творец польского стиха.

Кохановского была положена на музыку Миколаем Гомулкой, но это было не единственное ее музыкальное воплощение. Легкие певучие строфы, переходя в общее сознание и память народа, ложились на точно соответствующие строфике мелодии. В самом общем плане это соответствовало процессу становления и жизни духовной поэзии Реформации, таборитских песен, лютеранских хоралов, гугенотских псалмов. К тому времени, как музыковеды и фольклористы принялись анализировать эти своды песнопений, очень трудно стало отличить истоки и историю отдельных напевов. Безусловным представляется самое общее положение: духовные песни на родном языке распевались на любимые, хорошо знакомые напевы, и если они были созданы специально для того ли иного текста, то следовали общему стилю. Долгое бытование шлифовало их, постепенно закрепляло их облик, и со временем они переходили в статус классического наследия, становились одной из основ национального музыкального языка.

Пять псалмов Я. Кохановского оказались среди других текстов «польской части» ново-иерусалимской рукописи. Поэтические тексты имеют кардинальное отличие от оригинала: они записаны кириллицей (мы здесь приводим только первую строфу — подтекстовкой). Не следует думать, что перемена литерации связана с переменами государственного, конфессионального или этнического порядка. Польский язык в Великом княжестве Литовском, ставшем к XVII в. частью единого с Польшей государства, имел и кириллическую транскрипцию, связанную с «польщиной кресовой», диалектом, на котором в частности писал Адам Мицкевич. Музыкальное воплощение этих пяти псалмов — ясные, точно соответствующие строфике партитуры с выразительной, экспрессивной мелодикой. Обратим внимание на то, что одна из них, *Щенсливы кому*, известна по русским рукописным песенникам с многими текстами как духовными, так и светскими[9]. Самый известный из них — постепенно «обрусевшая» польская кантыка *Пржебрзялем мяру о мой моцный Боже*, вошедшая в русский песенный обиход переводом свт. Димитрия Ростовского. Еще одна партитура, *Кто се в опеке*, близка лютеровским хоралам, напоминает *Ein feste burg*, своего рода гимн протестантского движения.

3: Псалтирные псалмы

Псалтирные псалмы из второй части Тит. 4172 разнообразны, их обобщенная характеристика едва ли возможна. Первая трудность заключается в выборе именно этих псалмов. Самое общее рассуждение — выбор обозначает те точки, в которых лирическое (т.е. свободное от функционального) побуждение легче перешагивает порог канонического текста, он отрывается от уставной нормы произнесения и переосмысляется в иной стилистической среде. Большое число псалмов, получивших песенную форму, отдельными стихами или полными текстами участвует в Литургии, Вечерне[10].

В некоторых случаях побудительные мотивы могли быть «внешними»: приветствие высоким гостям и моление о победе в войне с внешним врагом (турками). Оба повода связаны с Царем Феодором Алексеевичем, его попечением о Новом Иерусалиме и посещениями монастыря[*6].

По поэтическому стилю и мастерству псалтирные псалмы неоднородны: в некоторых из них наблюдаются отступления от слоговой нормы и несоблюдение конечных ассонансов. Впрочем, это может быть следствием трудности перевода при крайне бережном, ответственном отношении к оригиналу[11]. В некоторых текстах встречаются полонизмы, трактовка которых также неоднозначна: в них можно видеть рудименты усвоенного, «обрусевшего» польского текста, фигуры поэтического языка, дань образованности / моде.

Собственно музыкальные композиции следуют двумя путями: это или очень простые песенные

[9] Рукописный песенник XVIII века с голосами, положенными на ноты // Музыкальный Петербург XVIII век. Кн. 5. СПб., 2002. № 13 (24) и комментарии к нему.

[10] См. соответствующую графу во второй таблице — с. 456.

[*6] Среди новоиерусалимских псалмов есть два особенных, поздравления юному Царю: *Феодор славный воевода* архимандрита Германа и *Хвалити Бога в святых подобает* Симеона Полоцкого. Они ярко демонстрируют различие и особенности поэтического стиля и роль музыкального компонента псалмов.

[11] Можно сравнить с поэтическим переложением Песни песней; этот цикл опубликован: *Васильева Е.Е.* Песнь песней Ново-Иерусалимских песнотворцев // Материалы Кирилло-Мефодиевских чтений. Вып. II. Т. 184.

формы (*Аще Господь дому не созиждет*; *Блаженны им же греси*; *Вси языци руками плещите*; *Возведох очи моя к Тебе*; *Исповемыся Тебе Боже силный*; *Тебе песнь Боже в Сионе достоит*), или партитуры с использованием имитационных приемов (*Вси Господа восхвалите*; *Суди мя, Боже, суди*; *К тебе, Господи и Боже мой*; *Господь пасет мя сам*).

Выделяя первую группу, мы используем термин «песенная» не как родовое понятие (с одной и той же музыкой пропевается строфа за строфой весь поэтический текст — таковы все ново-иерусалимские псалмы, как и польские *кантыки*), но как дополнительное определение структуры мелострофы[*7], которой свойственны повторы, сохранение единой мензуры и одного ритмического масштаба, равная протяженность и симметрия частей.

Вторая группа партитур условно объединена присутствием в каждой из них максимально динамичного в масштабах мелострофы приема — имитации. Особенно выделяется *К Тебе, Господи, Боже мой*, открывающаяся имитационными вступлениями голосов, правильным миниатюрным фугато. В рукописи Дамаскина она помечена как «правленая Дилецким».

Таким образом, именно псалтирные псалмы предоставляют возможность заметить уроки этого мастера, написавшего первое в России руководство по композиции, теоретические положения которого надолго остались в педагогической практике[*8]. Николай (Микола, Микула) Дилецкий тщательно дистанцируется от системы роспева и вообще приверженности строго установленной традиции, подчеркивает свободу творческой воли и широту выбора средств. Имитации, секвентные последования кратких мотивов с яркой моторной основой, которые описаны и щедро проиллюстрированы в «Грамматике», характерны для его собственного творчества. Они станут привычным приемом в партесных концертах. К этой композиторской технике мы вернемся несколько ниже.

Остановимся на двух «подписанных» псалмах.

Господи воззвах к Тебе архимандрита Германа можно только условно причислить к *псалтирным* — текст его соответствует избранным стихам из 140 и 141 псалмов, поющихся за вечерним богослужением. Простая строфа с пластичной мелодией, предельно точно подающей слова, украшена редким выразительным штрихом — нисходящим квинтовым ходом в третьей фразе. Распев квинты подготовлен предшествующими мелодическими волнами и замыкается заполняющей тот же объем последней фразой. Это уникальная в наследии Германа партитура вполне вписывается в один из типов псалтирных псалмов.

Вси языци Василия Титова — единственный его известный поэтический опус. Во всех известных сочинениях он композитор, здесь же — песнотворец. Словесный текст далек от совершенства, но партитура яркая, с упругой моторной основой; судя по песенникам середины XVIII в., она продолжала жить, соединившись с пасхальным текстом *Ликуйте церкви восточныя чада*[12] и сохранив «титовский» рефрен (*гласом, гласом, гласом радования*).

В таблице указаны все случаи политекстовых партитур. Обратим внимание на то, сколь они разнообразны: особенная, с начальным фугато, партитура принадлежит двум текстам псалтирных псалмов; партитура одной из кантык на псалм Кохановского соединена с русским текстом другого псалма (т.е. это не перевод и не постепенно «обрусевший» текст). «Перекресты» захватывают другие разделы и тематические группы, не псалтирные псалмы; выходят за временные пределы Ново-Иерусалимской школы.

Такие отношения поэтического текста с несущей его музыкой для ново-иерусалимских песнотворцев не характерны. Обоюдная предназначенность двух компонентов текста, их нерасторжимая связь и органическое единство раскрываются в процессе

[*7] Термин музыкальной фольклористики, необходимый при описании и анализе произведений устной традиции, оказывается уместным и хорошо работает применительно к «книжным песням».

[*8] Николай Дилецкий [1630(?), Киев — 1680, Москва], украинский музыкант, композитор, педагог. Трактат «Идея грамматики мусикийской» разрабатывался им в Вильно, Смоленске и Москве. Для современного читателя этот трактат доступен в издании, подготовленном С.В. Смоленским (1910), а также в переводе с исследованием В. Протопопова (Памятники русского музыкального искусства. Вып. 7. М., 1979). О контактах Дилецкого с монастырем Нового Иерусалима свидетельствуют пометы о его «справах» в рукописях ново-иерусалимского круга. Яркий образец творчества Николая Дилецкого — «Воскресенский канон». В какой мере это произведение связано с Воскресенским Никоновым монастырем — неизвестно.

[12] В Тит. 4172 этот текст присутствует с собственной партитурой (л. 144об.–145).

анализа ново-иерусалимских псалмов. Но и внешние показатели говорят о том же: политекстовые партитуры в корпусе ново-иерусалимских псалмов единичны и почти все оказываются в кругу псалтирных псалмов. Выскажем предположение, что при их сочинении логика и психология творческого процесса были особенными; возможно, иногда это было сочинение «на голос», или для готового поэтического текста подбиралась уже существующая музыка, или в создании песенной версии возникал дополнительный фактор усвоения определенного «урока», композиционного приема. Во всяком случае это не был тот общий (и безымянный) труд, результат которого (вполне узнаваемый стиль) запечатлен частями Алфавита, Песни песней, несколькими меньшими группами псалмов. Стиль — трудно определимая категория, почувствовать и понять его позволяет сравнение. У нас есть такая возможность — стоит поставить рядом с ново-иерусалимскими псалтирными псалмами «Псалтирь Рифмотворную» Симеона Полоцкого — Василия Титова[*9].

4: Псалмы из «Псалтири Рифмотворной»

Это сочинение создавалось иначе, чем ново-иерусалимские псалмы. Ученый поэт поставил перед собой цель, отчасти повторяющую труд Яна Кохановского. Именно отчасти, потому что Ян из Чернолесья насытил свой народ ветхозаветной поэзией и привел родной польский в семью высоких поэтических языков. Симеон Полоцкий объявил сходные задачи[*10]: сделать псалмы более доступными и любимыми, просветить народ и возвысить русский язык. На самом деле он перевел давно укорененные в культуре тексты на условный язык ученой поэзии. Почувствовав, что не достигает своей цели, Симеон обратился к помощи музыки — звучащая, песенная духовная поэзия обладала особым статусом, с которым литература еще не могла сравниться. Василий Титов за короткое время написал партитуры ко всем текстам. Это был огромный труд, который был возможен только при выработке профессиональной техники. Сочинение музыки становилось профессией, и труды Титова на этом поприще продолжались еще долгие годы. Обзор его творчества не входит в наши задачи, равно как и описание всех 150 псалмов (это задача специального исследования) — нам придется ограничиться немногими примерами и комментариями.

Среди партитур Титова устойчиво присутствуют те же два образа — простых песен и искусно развиваемого материала, — которые мы видим в ново-иерусалимских псалтирных псалмах; они отточены до совершенства. Первая группа представлена партитурами, отличающимися кристаллически ясной периодичностью, которая подчеркивается вопросо-ответными соотношениями кадансов или целых мелодических фраз (см.: *Радость помощнику Богу*, *На реках Вавилонских*).

Вторая группа (она не столь многочисленна во всем объеме Псалтири) отличается присутствием элементов развития: секвенциями кратких, ритмически упругих фраз, стремительными и прозрачными имитациями (*Кто либо в Бозе*, *Хвалите Бога*). В пространстве полутораста партитур эти приемы последовательно отрабатываются, что возвращает нас к имени Николая Дилецкого, его урокам и образцам, приведенным в «Мусикийской грамматике». В дальнейшем эта техника служит в сочинении духовных концертов на протяжении почти всего XVIII в.[*11].

Две партитуры 132 псалма (*Се что столь добро*) дают возможность сопоставить две трактовки поэтического текста. Музыка ново-иерусалимского псалма подчеркивает яркую (и редкую среди псалмов) особенность строфы — смещение смысловой цезуры относительно границ стиха[*12]. Третья фраза, взлетающая к мелодической вершине, оказывается центром мелодической композиции; она симмет-

[*9] Рукописный песенник, из которого они взяты, — РНБ ОР. Сол. 692/800 — имеет название «Псалмы виршевые триголосные» и содержит «Псалтирь Рифмотворную» в полном составе, включая девять библейских песен, благодарственную молитву Захарии, послесловие «К гаждателю», и несколько трехголосных же канонов (неполных).

[*10] Творчество Кохановского, высочайшая вершина польской поэзии, манило и дразнило Полоцкого; он пытался сравняться с ним не только псалмами, но и тренами (френами), т.е. плачами. Но и здесь не совсем точное следование: Кохановский написал цикл элегий, лирических и скорбных, на смерть своей маленькой дочурки, Полоцкий же писал их на смерть государя-самодержца от имени разных оплакивающих его персон.

[*11] В связи с этой перспективой обратим внимание на мелодическую фигуру в завершении 150 псалма — подобные юбиляции постоянная черта кантов на триумфы Петра, удержавшиеся в панегирических кантах последующих царствований.

[*12] Он помещен как дописка к основному корпусу Тит. 4172 на предпоследнем листе иным почерком.

рично обрамлена мелодически замкнутой парой начальных фраз (повторены со вторым стихом) и парой нисходящих волн, завершающих строфу.

Титовская партитура разумно соединяет сапфическую строфу с образом дробления формы. Ее составляют две «длинные» фразы с подобными началами и квинтовым противопоставлением каденсов; две короткие, удерживающие верхнюю опору, и краткое же завершение, нисходящее к основному кадансу. Форму решают вполне определенные тонико-доминантовые отношения, ярко контрастирующие с модальной логикой, главенствующей в первой партитуре.

Тональное мышление, сказывающееся в партитурах Титова, вырабатывалось в связи с определенной ритмикой, типизированными кадансовыми оборотами. Метрический репертуар псалмов Симеона Полоцкого в принципе не отличается от поэтических текстов ново-иерусалимских псалмов (главным образом, цезурированные 11- и 13-сложные вирши, реже 12- и 8-сложные, сапфическая строфа). Принципиальное различие заключается в том, как трактуется стих в звучании. Ново-иерусалимские песнотворцы создают и искусно преображают слогоритмические модели; Титов же многократно использует ритмический рисунок, безусловно преобладающей в окончаниях стихов 6-сложной группы, что создает инерцию регулярного ритма. В таких обстоятельствах вырабатываются типовые кадансы и закрепляются функциональные отношения.

* * *

Подводя итог описанию ново-иерусалимских псалтирных псалмов прежде всего отметим, что в связи с этим материалом высвечиваются общие историко-культурные проблемы: соотношение славяно-русской культурной традиции (культуры Pax Ortodox) с культурой европейских стран, переживших период Реформации; роль духовной лирики; место Псалтири в культуре и языке народов. В эту динамичную, мятущуюся пору восприятие канонических текстов неуловимо меняется. В последующие века этот процесс сопряжен с секуляризацией общественной и культурной жизни, но взаимоотношения поэтов и музыкантов с Псалтирью сохраняют амбивалентность — возвращение к духовной сущности библейской поэзии реально и бесконечно.

С точки зрения изучения Ново-Иерусалимского наследия, псалтирные псалмы служат ключом к разрешению целого ряда задач. Это самая подвижная группа произведений, позволяющая проследить творческий процесс и восстановить судьбы Никоновской школы. Рассмотренные в совокупности псалтирные псалмы дают представление об усвоении наследства, связи-преемстве с *кантыками*, уроках мастерства; о становлении личного начала в песнотворчестве, о разных возможностях соотношения музыкального и поэтического компонентов текста.

Известные имена, сопряженные с монастырем Нового Иерусалима, также получают некое дополнительное освещение. Назовем несколько конкретных проблем: уроки Дилецкого и его роль в судьбе Ново-Иерусалимской школы; творчество Василия Титова; карьера и творчество Симеона Полоцкого.

Самым действенным аспектом, требующим наибольшего внимания, на наш взгляд, является динамика становления русской культуры. На материале псалтирных псалмов можно ощутить стилистические процессы в период становления и первой поры бытования книжной песни как особенной сферы русской музыкально-поэтической культуры. Предвосхищая обстоятельные исследования этого вопроса, выскажем краткое резюме. Здесь совершились стилистическое обретения русского барокко (в музыке) и «песенного» / звучащего стиха как самостоятельной системы в письменном / профессиональном творчестве. Здесь же, и практически в то же время, вызревали композиционные приемы и «стандарты» классицизма. Два стилистических движения переплетены взаимодействием, примером, соперничеством внутри относительно небольшой группы лиц, отчасти даже известных по именам. В исторической перспективе выявляется несовпадение их векторов — резонанс с историко-стилистическими процессами западно-европейской музыки и самостоятельный поиск, до времени отложенный.

Судьба этих двух стилистических кругов различна.

Один последовательно развивался, находя продолжение в концертах Титова, музыке триумфов и инструментальном музицировании, в принятом музыкальными руководителями Капеллы направлении обработок роспева; он соответствовал положениям Дилецкого в области музыкального образования.

Другой остался островом XVII в., отошел в забвение. Но будучи непосредственно сопряжен с устной песенной стихией, исподволь порождал побеги-параллели в национальной русской школе: модальная система — в переменно-ладовой гармонии; мензу-

ральная ритмика, включающая элементы возгласа / декламации — в нерегулярном ритме, выраженном сложными и переменными размерами[*13].

Что же до конкретных псалтирных псалмов, то псалмы Симеона Полоцкого на время закрепились среди книжных песен, затем оказались потесненными новыми переложениями. На первых порах огромную роль сыграл внешний фактор: напечатанная в Верхней Типографии (некогда привезенной из Кутеинского монастыря в Иверский, переданная затем в Новый Иерусалим и взятая из него) «Рифмотворная Псалтирь» была куда более надежно удержана в ежедневном обиходе, доступна и конституирована, нежели рукописные книги, рождавшиеся и передававшиеся из рук в руки, подобно тому, как память и песни — изустно.

Приложения[*14]

Таблица 1

Псалтирные псалмы по пяти рукописям ново-иерусалимского круга[*15]

		РГБ. 9498	**ГИМ. 1743**	**Пог. 426**	**Тит. 4172**	**Q.XIY.25**
Пс. 126	Аще Господь дому не созиждет	Л. 30об.–31. *Пс. 126*	Л.194об.–195	Начальные листы утрачены	Л. 93об.–94	Начальные листы утрачены
Пс. 31	Блаженны, им же грехи отпустишася	Л. 20об.–21 *Пс. 31*	Л. 2об.–3 и Л. 210об.–211	Л. 6об.–7 вар.	Л. 98об.–99	Начальные листы утрачены
	Боже отринул еси всех нас низложивши	Л. 24об.–25 *Пс. 59*		Л. 7об.–8	Л. 99об.–100	Начальные листы утрачены
	Боже языци приидоша	Л. 28об. Пс. 78		Л. 5об.–6	Л. 97об.–98	Начальные листы утрачены
Пс. 40	Блажен, иже ока своего	Л. 21об.–22 Пс. 40	Л. 10об.–11	Л. 145об.–146 *Подобен «Вси Господа восхвалите»*	Л. 105об.	Л. 4об.–5
Пс. 119	Внегда аз скорбех ко Господу воззвах	Л. 29. *Пс. 119*	Л. 4.		Л. 106	

[*13] Нечто подобное (в самых общих чертах) происходило и в области стихосложения. Поэтическая техника, закрепленная специальными трактатами, в «ученой» силлабической поэзии исчерпала себя, придя в противоречие со звучанием стиха и речью; регулярная метрика способствовала рациональному сужению организующих стиха. Силлабо-тоника надолго стала ведущей системой стихосложения, и литературоведам XX в. пришлось раздумывать о происхождении и природе дольников.

[*14] Приводимые в Приложении поэтические тексты подготовлены к печати с учетом норм, предъявляемых к исторической публикации — транслитерированы с сохранением исторической лексики и грамматических форм. Тексты Яна Кохановского воспроизведены по возможности точно, т.е. с соблюдением особенностей кириллической транслитерации польских текстов. Диакритические знаки не воспроизводятся, титла раскрыты. Заметим, что в рукописях ново-иерусалимского круга последовательно выставлены знаки ударения; в рукописи Сол. 692/800 («Рифмотворная Псалтирь» Симеона Полоцкого) их нет. Первые строфы поэтического текста даются в подтекстовке, внутри нотной системы. Полные поэтические тексты ново-иерусалимских псалтирных псалмов помещены под партитурами.

Партитуры приведены в скрипичном и басовом ключах, самых употребительных в настоящее время. В оригиналах верхние голоса по большей части записаны в ключах ***до*** (альтовом и меццо-сопрановом), в некоторых партитурах бас также нотирован в ключе ***до*** (баритоновом). Октавные транспозиции, предпринятые для большего удобства чтения, не оговариваются. Знаки — при ключах и случайные — проставлены как в рукописи. Цифры в начале нотного стана обозначают *мензуру*, а не размер; вертикальные черты проставлены на месте штрихов, помещенных в оригинале на каждой нотной строчке, — они размечают структуру строфы.

[*15] В данной таблице псалмы расположены в алфавитном порядке (по начальной букве текста). В первой графе приводятся данные по РГБ (№ 9498), ради тщательности расположения и обозначения в ней Давидовых псалмов. Остальные графы предоставлены четырем старейшим и полнейшим по сохранившемуся объему рукописям. Таблица демонстрирует устойчивость присутствия определенных псалтирных псалмов и в то же время некоторую степень свободы, неканоничность их состава. В тех случаях, когда есть основания отнести отсутствующий текст на счет утраты части рукописи, это указывается.

		РГБ. 9498	ГИМ. 1743	Пог. 426	Тит. 4172	Q.XIY.25
Пс. 148	Вси Господа восхвалите	Л. 33об.–34 *Пс. 148*	Л. 5об.– 6	Л. 13об.–14	Л. 107об.–108	Л. 15об.–16 *Песнь от всякаго дыхания ко Творцу и Богу*
Пс. 45	Вси языци руками плещите				Л. 112об.–113	Л. 20об.–21 *Песнь Господеви о покорении иноплеменных язык благочестивейшим царем нашим*
	Возведох очи мои в горы Твоя	Л. 29об. Пс. 120	Л. 6об.–7.	Л. 13	Л. 113об.–114	Л. 15 *Песнь степеней – 2*
	Господь пасет мя сам зачне	Л. 18об.–19 Пс. 122	Л. 22об.–23	Л. 17об.–18	Л. 114об.–115	Л. 29об.–30
	Господи воззвах к Тебе из глубины	Л. 31об. Пс. 129	Л. 19об.–20	Л. 18об.–19	Л. 115об.–116	Л. 30об.–31
Пс. 140	Господи воззвах к Тебе, услыши мя	Л. 32об.–33. Пс. 140	Л. 21об.–22	Л. 19об.–20	Л. 116об.–117	Л. 31об–32
	Глаголы моя, Господи внуши	Л. 16об.–17 *Пс. 140(?)*	Л.18	Л. 21об.–22	Л. 118об.–119	Л. 33об.–34
	Исповемыся Тебе Боже силный	Л. 28. *Пс. 74*	Л. 50об.–51	Л. 29об.–30	Л. 131об.–132	Л. 63об.– 64
Пс. 27	К Тебе, Господи Боже мой воззову	Л. 19об.–20 Пс. 27	Л. 66об.–67 *Пс. 27 справлено Дилецким*	Л. 38об–39	Л. 140об.–141	Л. 74об.–75
Пс. 122	К тебе возведох очи мои ныне	Л. 30 *Пс. 122*	Л. 61об.	Л. 43об–44	Л. 142об.–143	Л. 76об.–77 *Песнь степеней*
Пс. 10	На Господа уповах, душе моей реку	Л. 18 *Пс. 10*	Л. 84об.			
	На Тя Господи всегда уповая	Л.27об. Пс. 70	Л. 82об.			
Пс. 136	На реках Вавилонских ту седохом купно	РГБ ОР. 9498 Л. 32. Пс. 136	Л. 79	Л. 138об.–139	...146 Л. ст. утрачена	Л. 93об.–94
Пс. 132	О что толь добро или красно зрится				В дописке	
Пс. 42	Суди ми, Боже, суди	Л. 22об.–23 *Пс. 42*	Л. 126об.–127		Л. 177об.–178	
Пс. 64	Тебе песнь Боже в Сионе достоит	Л. 26об.–27 *Пс. 64*	Л. 144об.–145	Л. 83об.– 84	Л. 184об.–185	Л. 165об.–166
Пс. 74	Тебя, Господи всем сердцем исповем,	Л. 17об. Пс. 74				
Пс. 48	Услышите вси сия днесь языци	Л. 23об.–24 Пс. 48	Л. 149об.–150	Л. 84об.– 85	Л. 185об.–186	Л. 165об.–166
Пс. 66	Услыши Боже моления моя,	Л. 25об.–26 Пс. 66				

Таблица 2

Псалмы, связанные с Псалтирью из Тит. 4172 (РНБ ОР)
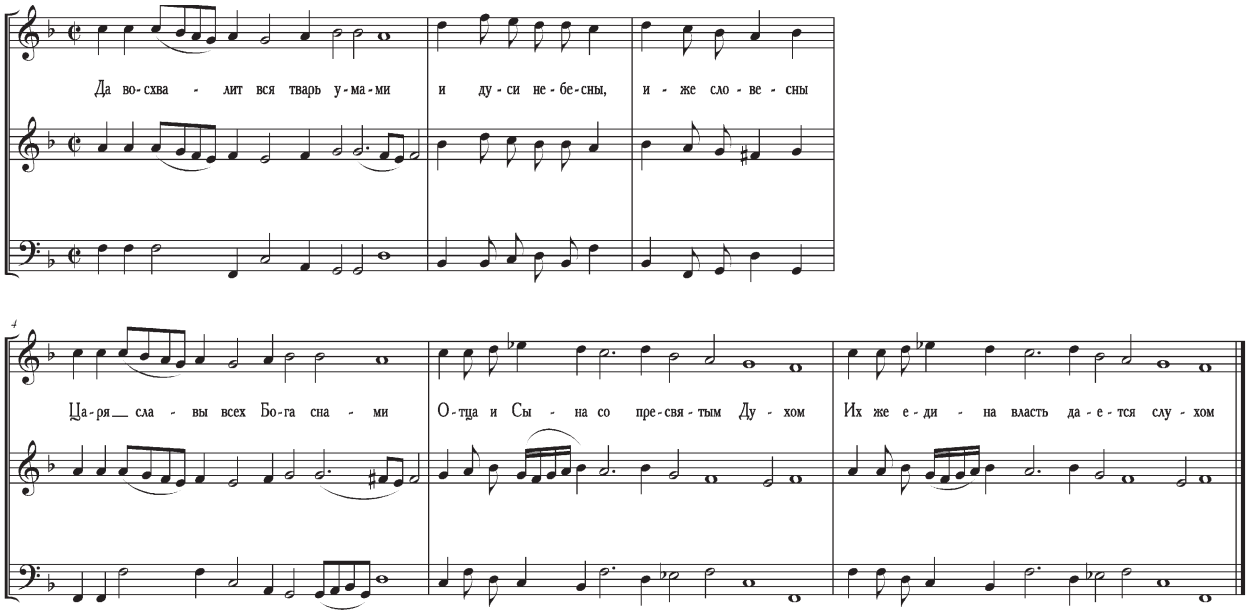
		Из ***Алфавита***			
Пс. 103	Предначинательный	Да восхвалит вся тварь умами И дуси небесны иже словесны Царя славы всех Бога с нами, Отца и Сына со пресвятым Духом, Их же едина дается сласть слухом.	Л. 21об.–22		
		Из «***польского корпуса***»		Политекстовые партитуры	
Пс. 31/*32*		Щенсливы кому грзехи одпущоно А вне паменцы злосци понурзоно.	Л. 59об.	*Пребрзялем мяре*	Ян Кохановский
Пс. 42/*43*		Невинносць, Пане мое, Прзими в оброне свое Прзецив по втарзы живей И повесци фальшивей, Хцей се прзи мне заставиць Мне з' срогих ронк выбавиць	Л. 75об.–76	*Суди мя, Боже, суди*	Ян Кохановский
Пс. 54/*55*		Обронце утесніоных, Боже литосцивый, Услышь модлитвы мое и глас жалобливый.	Л. 79об.–80		Ян Кохановский
Пс. 90/*91*		Кто се в опеке пода Пану свему, А цалым сердцем смеле уфа ему, Смеле рзечь може мам обронце Бога, Не прзийде на мне *жадна страшна трвога*	Л. 64об. –65		Ян Кохановский
Пс. 141/*142*		Пана волам, пана проше, Ренце све к нему подноше, Прзед ним сво крзивде прзекладам, Ему свой жаль оповядам.	Л. 85об.–86		Ян Кохановский
		Из «***большого» алфавитного последования***			
Пс. 126	Степенны	Аще Господь дому не созиждет, Всуе трудяй зиждяй его будет, Аще Господь несть града хранящи, Всуе его устрещи мнят бдящіи	Л. 93об.–94		
Пс. 78		Боже языци приидоша И в Твой святый град внидоша, Церковь Твою осквернишa И до конца разориша	Л. 97об.–98	*Плачуся и ужасаюсь*; *Послушайте что ся стало*	
Пс. 31		Блаженны, им же грехи отпустишася, Им же в конец вся злобы простишася. Блажен ему же Бог грехи не всменит, Ниже во устех лесть его вкоренит	Л. 98об.–99		
Пс. 59		Боже отринул еси всех нас низложивши И во гневе до конца на ны разъярівши, Но обаче всех Твоя есть щедроты, Аще и зело вся земля засмути	Л. 99об.–100		
Пс. 40		Блажен иже ока своего Не отвратит от нищаго, В нужди странну помогает, Благих своих уделяет	Л. 105об	*Вси Господа восхвалите* (вар)	
Пс. 119	Степенны	Внегда аз скорбех ко Господу воззвах, И услыша мя, егда его призвах	Л. 106	*О пречистая*; *Красная дево*	
Пс. 148	Хвалитны	Вси Господа восхвалите, На небесах услышите. Хвалите Его во вышних Ангел лики всех превышних	Л. 107об.–108	*Блажен иже ока своего* (вар.)	

		Из ***Алфавита***			
Пс. 46	Хвалитны	Вси языци руками плещите, Вси Иаковлю богу восклиците Гласом, гласом, гласом радования, Во сыновство нас к себе воззвание	Л. 112об.–113		Василий Титов акростих: *Василий Титов*
Пс. 120	Степенны	Возведох очи мои в горы Твоя, Отнюду же скоро придет помощь моя. Помощь моя от Господа придет, Небо и землю сотворшаго снидет	Л. 113об.–114		
Пс. 22	Последование к Причащению	Господь пасет меня сам злачне И на месте травы злачне, Тамо мя всели во веселии На воде покойне	Л. 114об.–115		
Пс. 129	Степенны	Господи, воззвах к тебе из глубины, Господи, глас мой услыши из долины. Да будут уши твоя мя слышаще, И глас молитвы моея внимаше	Л. 115об.–116	*Царю небесный;,* *Гласом небесным*	
Пс. 140	На вечерне	*Г*осподи, воззвах к Тебе, услыши мя, *Е*гда воззову к Тебе, сам призри мя. Моление мое да исправится, О Тебе в кадило да ухается	Л. 116об.–117		Архимандрит Герман; акростих: *Герман монах моляся писах*
Пс.74	Антифон на Литургии	Исповемыся Тебе, Боже силный, Исповемыся тебе, Царю дивный, И имя святое Его призовем, К тебе воззовем	Л. 131об.–132		
Пс. 27		К Тебе Господи Боже мой воззову, Не премолчи мя, егда Тя призову, Когда от мене царю не премолчиши, В ров заключиши	Л. 140об.–141	*Услышите вси*	
Пс. 122	Степенны	К Тебе возведох очи мои ныне, Ко живущему на небесех силне, Яко се очи в руку господину, Яко раб его о всякую вину	Л. 142об.–143		
Пс. 136	Приготовительные к Великому посту седмицы	На реках Вавилонских там седохом купно	Л. ...–146		
Пс. 42		Суди мя, Боже, суди И прю мою разсуди. Язык непреподобных, От человек неправедных, От льстивых мя избави, Твою милость пробави	Л. 177об.–178	*Невинносць Пане мое*	
Пс. 64	Хвалитны	Тебе песнь[Боже] в Сионе достоит, Юже в Ерусалиме всяк устроит, Тебе молитвы своя воздавая Тя похваляя	Л. 184об.–185		
Пс. 48		Услышите вси сея днесь языци И внушите вси в вселенной, елицы И земных вкупе всех чловек сынове, Богатый с убогим, премудрый в славе	Л. 185об.–186	*К тебе Господи*	
Пс. 132	Входит в чин архиерейского освящения	Се что толь добро или красно зрится, Яко в братии аще сохранится Любовь правая, еже вкупе житии, Друг друга чтити	Л. 200–200об.		Симеон Полоцкий

ИЗ «АЛФАВИТА»

Да восхвалит вся тварь умами

Тит. 4172. Л. 21об.–22.



Да восхвалит вся тварь умами,
И дуси небесны,
иже словесны
Царя Славы всех Бога с нами,
Отца и Сына со пресвятым Духом,
Их же едина дается сласть слухом.

Власть сладкогласна пренебесна,
В троичной державе
единославе
Разумно вся богословесна
Бога премудра, богоизлиянна
Духа прещедра небесная манна.

Манна умом Троице мание,
Ум-разум всецелый
и чисто белый,
Божее исповедание.
Того хвалити сердцем и устнами,
И не забыти Бога над богами.

Над богами пребожественный,
Аще не поможет,
наш не возможет
Хвалити Его язык бренный,
Превозвысися превысprь в поднебесных
И удивися в силах пренебесных.

Небес всех верхи покрывает,
Яко вся создавый
и обдержавый,
И во всех сущих пребывает
Бог превеликий и преестественный,
Бог превысокий и пресущественный.

Пресущественный сый всех зиждитель,
Осуществовавши
и показавши
Небо и землю, сих снабдитель
Бездну с водами привед от не сущих,
Горы с холмами и траву пасущих.

Пастырь звезд умных многоличных,
Света воссиятель
и тмы прогнатель,
И светил хитрец златосличных,
День и с зарями раздели от нощи,
Солнце с лучами уставь во дни тещи.

Текущим рекам даст проходы,
Морю с глубинами
и бури с волнами
И на тверди положи воды.
Твердь нарек «небо», украсив звездами,
И добре есте бо простерто над нами.

Над нами един Сам царствует,
Древа плодовиты,
рыбы и киты
Создав, и от сих нам дарствует.
Луну пределы яви измененны,
Чудными делы Его удивленны.

Дивен во словах, велий в мире,
Ветрами владеющ,
воздухом веющ,
Вся дела Его суть во вере,
Грады и снеги землю прикрывает,
От облак многи дожди проливает.

Проливает росу на цветы,
Громы же и тучи
с молниею случи
Изрядны времени и леты,
Сгущает леды всем в прохождение
И творит тверды вод покровение.

Покровы чред от волн содея,
Зверие и скоти
зубы и ногти,
Власы различны сих одея,
Змия лежаща, птицы же и гады,
Орлы паряща многи собра роды.

Роды от воды и от персти
Животны велики
извед толики,
Своими человека персты
Созда словесна, от земли слепивши,
Земна небесна и духом почтивши.

Почтил его раем жизненным
В Едеме красным
и небоясным
Плодным садом Богосажденным.
Но сего изгна, змиею прельщенна,
И паки возва грехом уязвенна.

На язву целбу возлагает
Отец, Слово Сына
посла всесилна,
Иже всех грехи низлагает.
Ин воплотися Бог, бысть человеком,
Нам причастися Зиждитель всем веком.

В вецех под леты является,
Девая раждает,
Бог в плоть бывает,
И вся тварь с ним обновляется,
Вкушает смерти, восстав из гроба,
Адска пожерти прелстися утроба.

Благоутробный вознесеся
На небо в славе
от земли яве,
Седением Отца почтеся
Подем небесным преславным престолом,
Облаком десным мир дав апостолам.

Апостол главы духом покры
Огненны языки.
Тайны велики
Дух Святый, свыше сошед, откры,
Благ утешитель, от Отца посланный,
Бог защититель, Сыном обещанный.

Обещание исполненно.
Дары же предраги,
силы преблаги
Знамение благоявленно
Тройца дарует, Отец изливает,
Сила царствует, Сыном подавает.
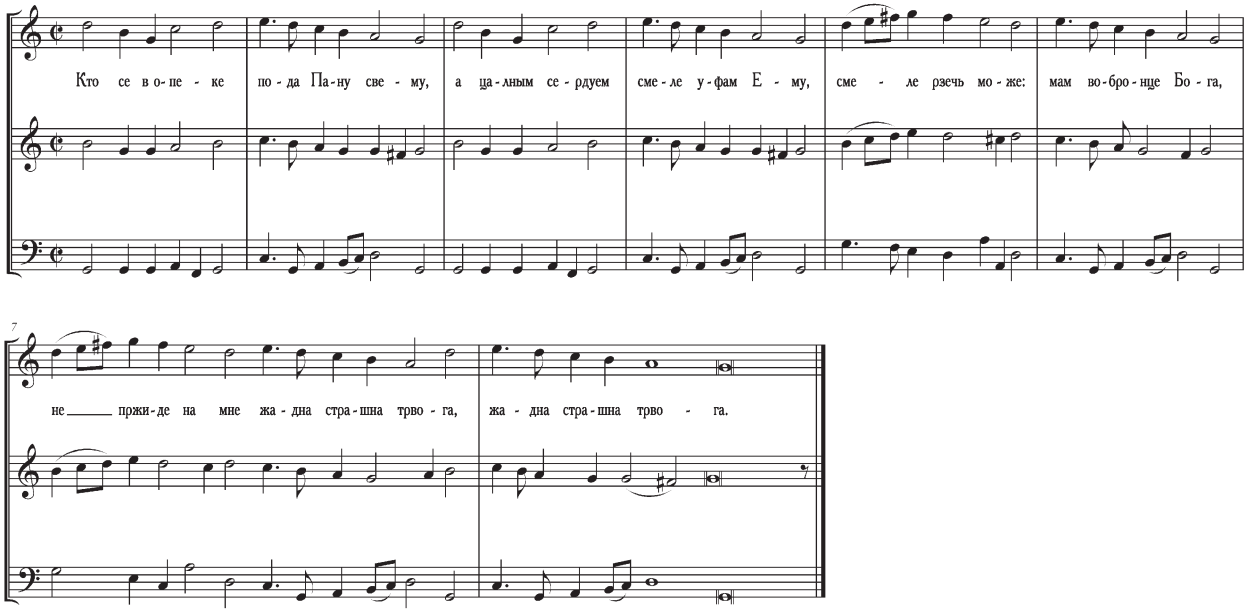
Подает и сам Бог Дух Славы,
Бог Сына родит,
егда приходит
И озаряет наши главы,
Воображает во зраце едином,
Себе являет со Отцем и Сыном.

Буди слава Богу вовеки,
Во Троице единому,
неразделному,
И вси да хвалят человеки,
Отца и Сына во единой державе,
Духа всесилна во век вечной славе.

ИЗ ПОЛЬСКИХ ПСАЛМОВ ЯНА КОХАНОВСКОГО

Кто се в опеке
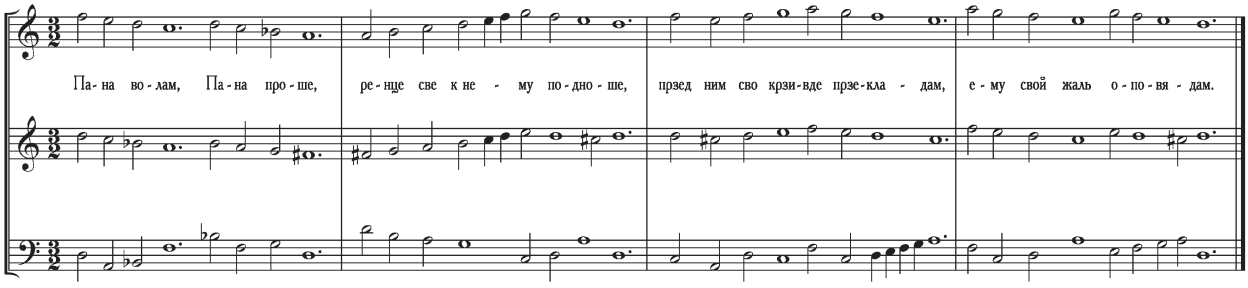
Тит. 4172. Л. 64об.–65.



См. текст 91 псалма — с. 246.

Пана волам, Пана проше

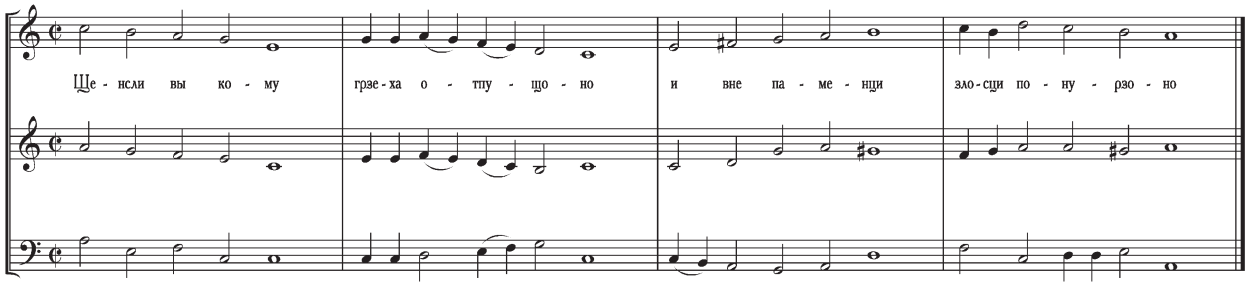
Тит. 4172. Л. 85об.–86.



См. текст 142 псалма — с. 270.

Щенсливы кому грзехи отпущоно
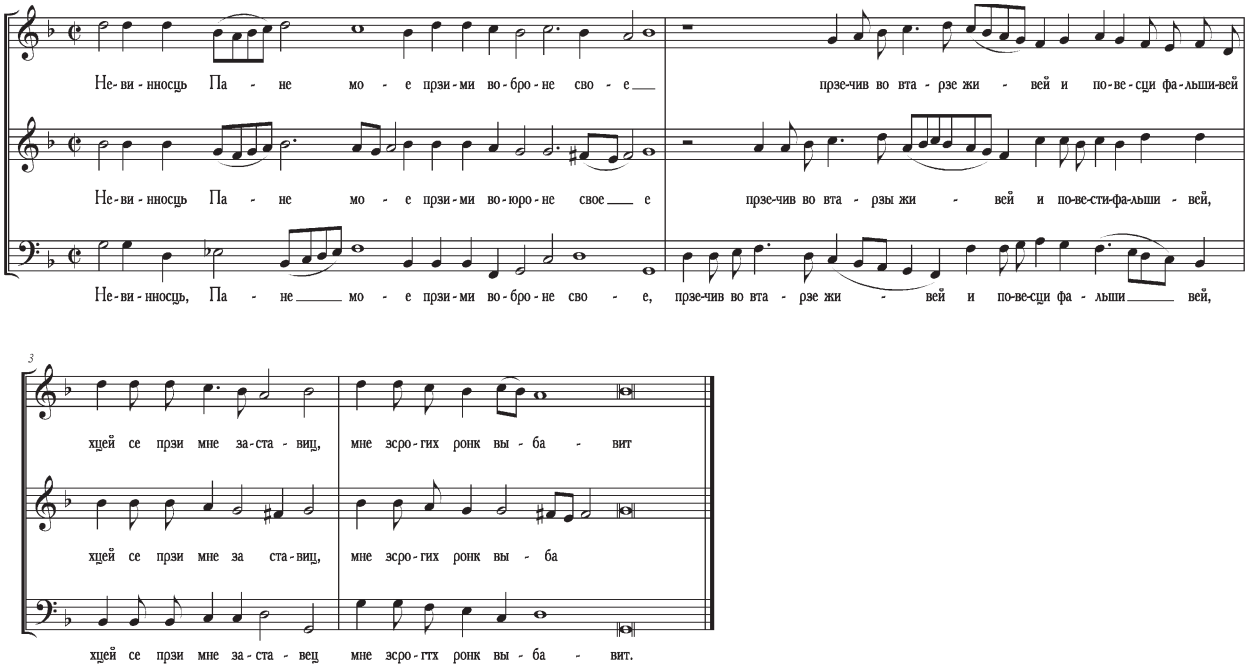
Тит. 4172. Л. 59об.



См. текст 32 псалма — с. 220.

Невинносць, Пане мое
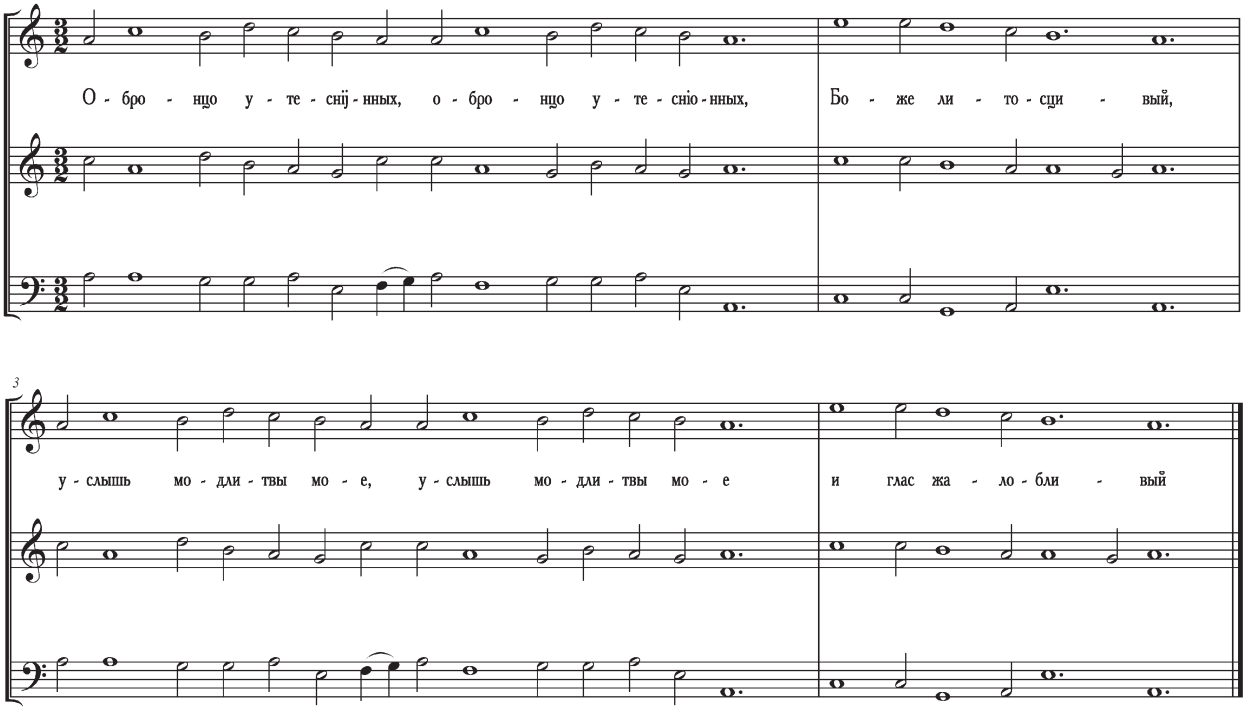
Тит. 4172. Л. 75об.–76.



См. текст 43 псалма — с. 220.

Обронцо уцисненных

Тит. 4172. Л. 79об.–80.
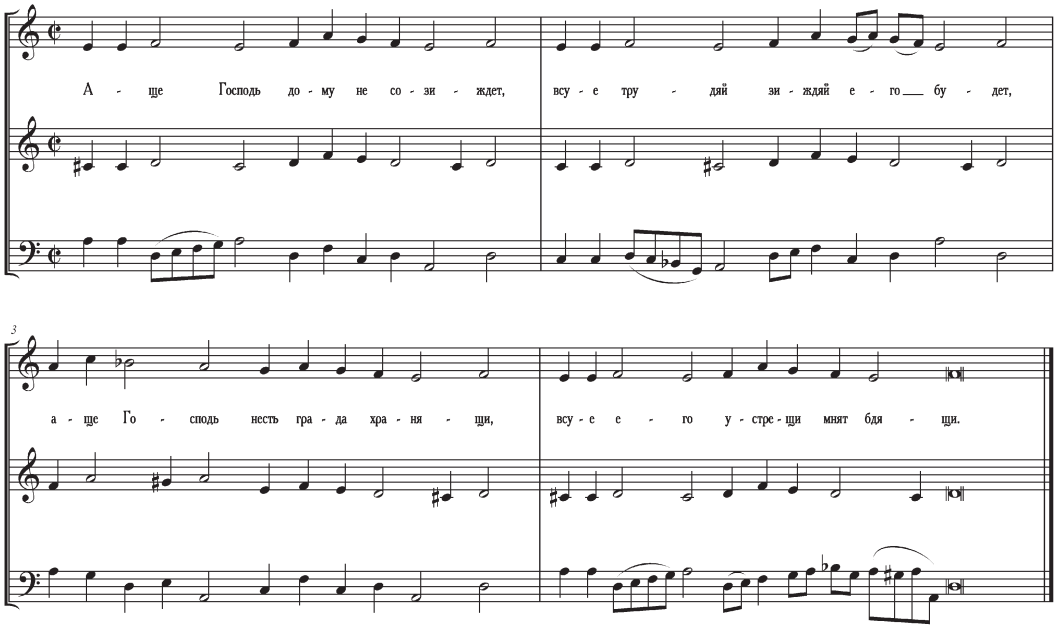


См. текст 55 псалма — с. 226.

ИЗ «БОЛЬШОЙ» АЛФАВИТНОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ

Аще Господь дому не созиждет

Тит. 4172. Л. 92об.–93.



Аще Господь дому не созиждет,
Всуе трудяй зиждяй его будет,
Аще Господь несть града хранящи,
Всуе его устрещи мнят бдящіи.

Всуе вам есть утренневати,
В болести хлеб горести вкушати.
Восстаните прочее седящіи,
Возлюбленных Его сонм видящи,

Внегда дает сим сон почивания,
Се бо Его суть достояния,
Сынове, мзда от плода чревняго,
Яко стрелы в руце суть сильного.

Тако сыны отъятых избранныи
И блажен той, ему же желанныи.
Сим исполнит свое желание,
От них примет света познание.

Егда рекут и не постыдятся,
Врагом свои во вратех крепятся*.
В час исхода и кончины века
Се победа всякаго человека.

Господь снидет, судити всех придет
В силе крепце и в славе пресветле.
Восплачются вси концы земли,
Всем бо тогда страх будет великий.

Судья страшный и нелицемерный,
Суд бо грозный и совет праведный
Воздаст бо всем, комуждо по делом,
Праведным царствие**, грешным мучение.

В аде темном грешнии взрыдают,
В муках вечных вовеки востенут:
О горе нам, непокаявшимся,
Се бо ныне в том осуждаемся.

Праведнии во царствии возвеселятся
И во дворех небесных вселятся.
Со ангелы и со архангелы
Рая сладость наследят во вере.
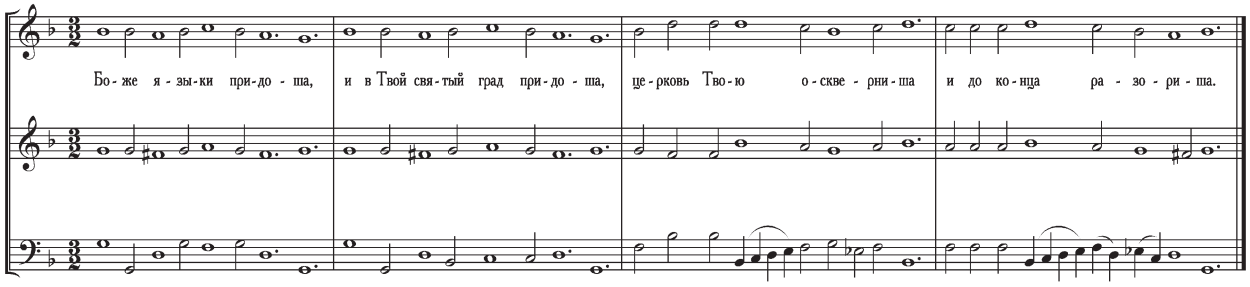
Христе Боже злых дел нас избави,
В покаянии жизнь нам пробави.
Даждь нам Христе десных наследие
Шуих часть мук избавление.

* Здесь заканчивается переложение псалма. Продолжение, тема которого Страшный суд, можно представить себе в качестве самостоятельного текста.

** Ритмический сбив — возможно — искажение. Точно ложится в стих другая форма: *правым царство*.

Боже языки придоша

Тит. 4172. Л. 97об.–98.



Боже языци приидоша
И в Твой святый град внидоша,
Церковь Твою оскверниша
И до конца разориша

Яко ограду сотворили,
Иерусалим спустили,
Вся рабы Твоя избивше
И в снедь птицам положивши.

Плоти Твоих преподобных
Мног лют языков злобожных
Гневом яко огонь пояде
И зверем в пищу предаде

Окрест Иерусалима
Кровь яко вода точила
И не бе погребающих,
Много же поношающих.

Быхом соседом нашим смех
И окрест же нас живущих
В день и в нощь поругание
И врагом посмеяние.

Доколе, Господи, тако
Прогневаешися всяко,
До конца гневом поядаяй
И рвением разжигаяй?

Пролей гнев Твой на языки,
Незнающих Тя вовеки,
Иже Тя не призывают,
Сих царствия да сгибают.

Иже Иякова зъяли,
Место его запустили.
Нас же всех верных сохрани
И первых злоб не помяни.

Скоро Твоя предваряют
Щедроты, нас сохраняют,
Яко зело обнищахом,
В помощь Твою уповахом.

Помози нам, Спасителю,
Боже наш вседержителю,
Ради имене Твоего,
Изми от гнева своего.

Да не языцы укрепят
И «где есть Бог их!» возгласят.
Пред очима нашима месть,
Кровь людей их да проповесть,

Иже от них пролияся
И на нас всех излияся.
Да внидет же окованных
Воздыхание связанных
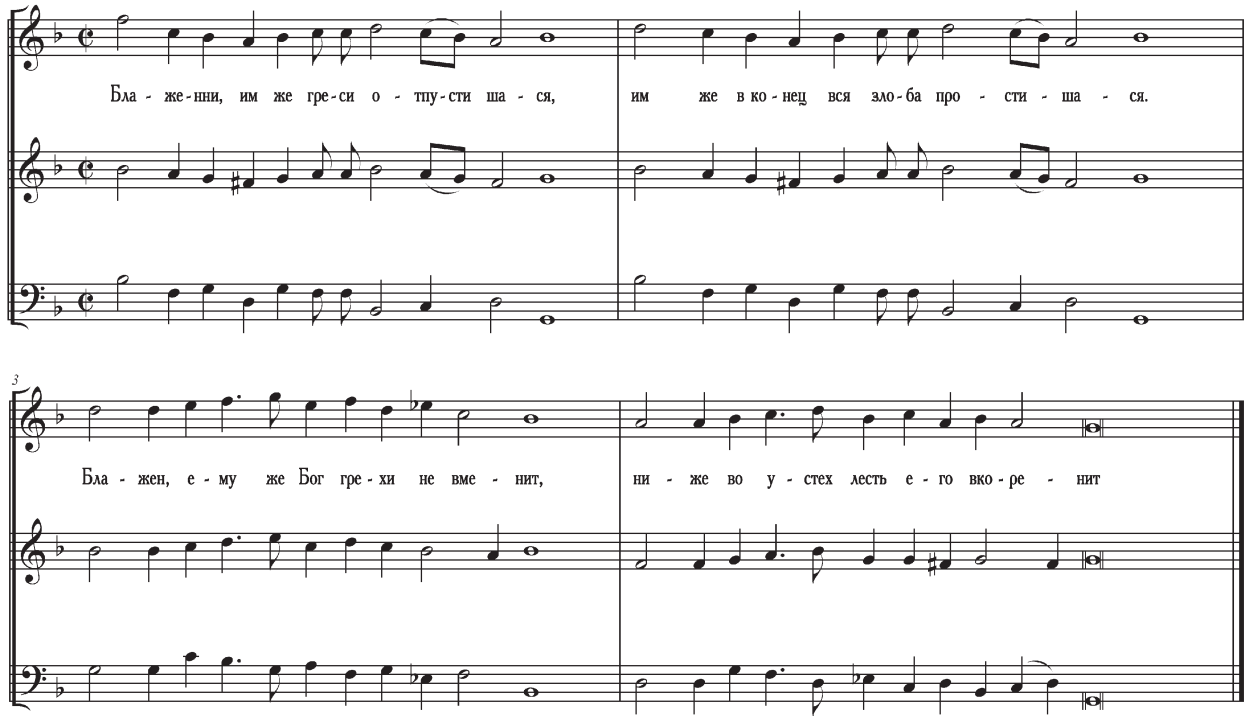
Пред Твою мышцу высоту
Снабдяща мертвых доброту,
Иже суть зде их плененных
И далеко заточенных.

Соседом поношение,
Вседмичное отмщение,
Внегда им воздающи,
Всегда сих излагающи.

Мы же вси людие Твои,
Яко овцы глсы свои
Вознесем, исповедая,
Тя, Боже, проповедая,
Во веки веков вечныя
И в лета безконечныя.

Блаженны им же греси отпустишася

Тит. 4172. Л. 98об.–99.



Блаженны, им же грехи отпустишася,
Им же в конец вся злобы простишася.
Блажен ему же Бог грехи не вменит,
Ниже во устех лесть его вкоренит.

Яко умолчах, обетшаша кости,
Весь день зовущих от врага пакости,
Яко день и ночь на мне рука Твоя,
И от нея же всяка крепость моя.

Возвратихся в страсть, егда унзе ми терн*,
И нози мои бежащу збодени.
Беззаконие аз мое сам познах,
И грех моих Тебе Боже исповедах.

Рех: сам исповем грех мой пред Тобою,
И Ты отпустил еси вся собою.
За то Тебе молит всяк преподобный
Во время и час в сей благоподобный.

Обаче многих вод потопных всюду
Не приближатся к нему ниоткуду.
Ты прибежище мое еси присно
От держащия скорби меня тесно.

Радосте моя, Ты сам мя избави,
От обышедших мя тайно пробави.
Вразумляй тя, и в путь сей наставлю,
В он же пойдеши, рекл еси, избавлю.

Утвержу на тя очи мои светло.
Яко конь и меск не будет ти света.
Им же несть разума, сих востягнеши
Браздами и уздой челюсти запнеши.
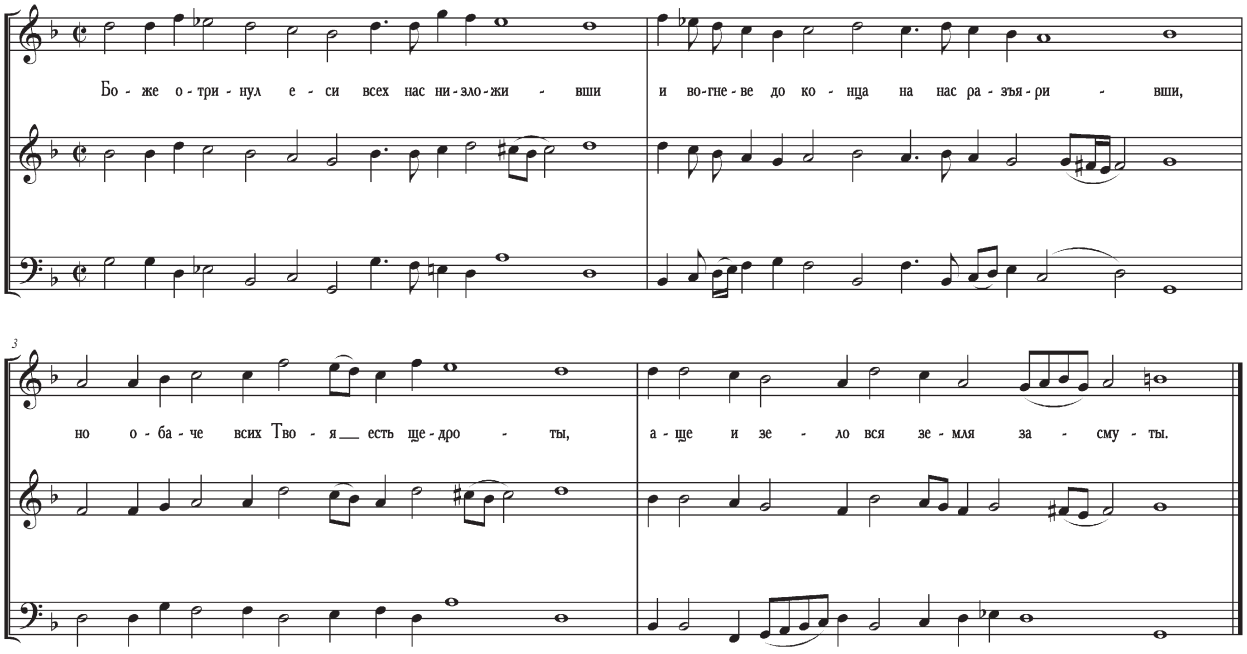
Се бо ся к тебе тии приближают,
Многи же раны грешному бывают.
Милость обыдет им же уповают
Присно на Бога и Его взыскуют.

Веселитеся о Господе славно,
И радуйтеся праведнии славо,
И хвалитеся вси правые сердцем
В едином Бозе всемогущем крепцем.

* Возможно, переставлены слова, и должно быть: *Терн унзе ми*.

Боже, отринул еси всех нас низложивши

Тит. 4172. Л. 99об.–100.



Боже отринул еси всех нас низложивши
И во гневе до конца на ны разъяривши,
Но обаче всех Твоя есть щедроты,
Аще и зело вся земля засмути.

Силою бо Твоею вся ея потрясе
И паки на первое подъемше вознесе,
Исцелил еси сокрушение,
Подвижат бо тоя основание.

Явил бо еси людем Твоим жестокая,
Напоил еси вином всех умиления,
Слезы нам присно точащесе бяху,
Яко реки з очес исхождаху

Дал еси боящимся Тебе знамение,
Еще от лица лука бысть во спасение
Возлюбленнии Твои сохранятся,
В десницы Твоей спасеши услышатся.

Бог возглагола ныне во своей святыне:
Возрадуюся в силе моей благостыни
Разделю сикиму жилище юдоль,
Разумею аз сам за слезы плачевый боль.

Мой есть Галаад, мой есть Манасиин,
И Ефрем крепость главы Моей порастиши,
Иуда царь Мой и основание,
И Моав коноб и упование.
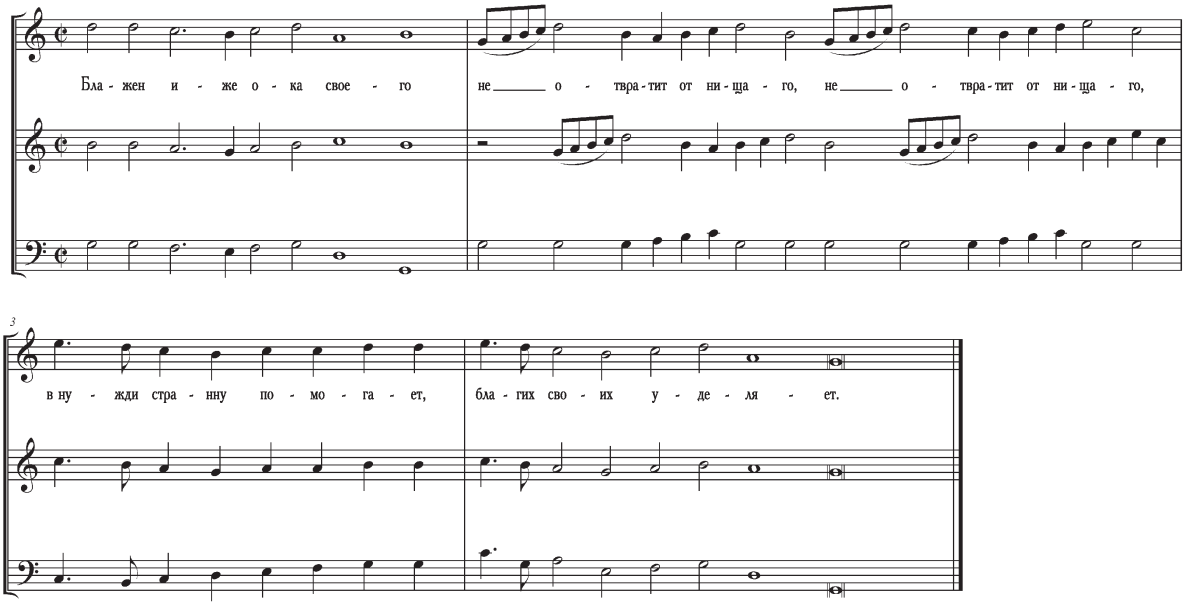
На Идумею простру сапог Мой великий,
И Мне покоришися племен всех языки.
Кто введет мя в ограду утверждение,
Кто ли наставит в думех изможденный.

Не Ты ли Боже наш, нас отринувый
Не изыдеши Боже в силах нас предкнувый.
Подаждь нам помощь от печали,
Враги ногами всех нас днесь попрали.

Спасение суетно в чловеческой мышцы,
Воистину есть всуе и крепких десницы.
О Бозе силу сотворим вовеки,
Той уничижит враждебны человеки.

Блажен иже ока своего

Тит. 4172. Л. 105.



Блажен иже ока своего*
Не отвратит от нищаго,
В нужди странну помогает,
Благих своих уделяет.

В день часу скорби твоея
Бог ти да даст силы своей,
В скорби своей защитит тя,
И от враг твоих избавит тя.

И на земли ублажит тя,
Паче луны просветит тя.
Душу твою светом озарит
И сердце миром оградит.

Призри на мя, Господи мой,
Помози ми в године злой.
Аз согреших пред Тобою,
Ты помилуй душу мою.

Врази мои реша злое,
Познах что вся неблагое,
Ничто от них добра чаю,
Токмо злобы ожидаю.

На мя вкупе вси шептаху
И сердцем злое слышаху.
Ков лютее нам сотвориша
И хулу ми изложиша.

И друг мой, нань же уповах,
Иже хлеб со мною ядах,
Возвеличи на мя злое,
Воздаде ми за благое.

Прогневах Тя, сотворшаго,
Лишихся всего лучшаго.
Дай-то Боже вси да уснут,
И от злоб своих отбудут.

Ты сам Боже призри злых
И воздаждь им по делом их.
О незлобиве Боже мой,
Настви мя в правый путь Твой.

Представи мя пред собою,
Утверди мя в любовь Твою.
Обратися лицем ко мне,
Возвесели сердце во мне.
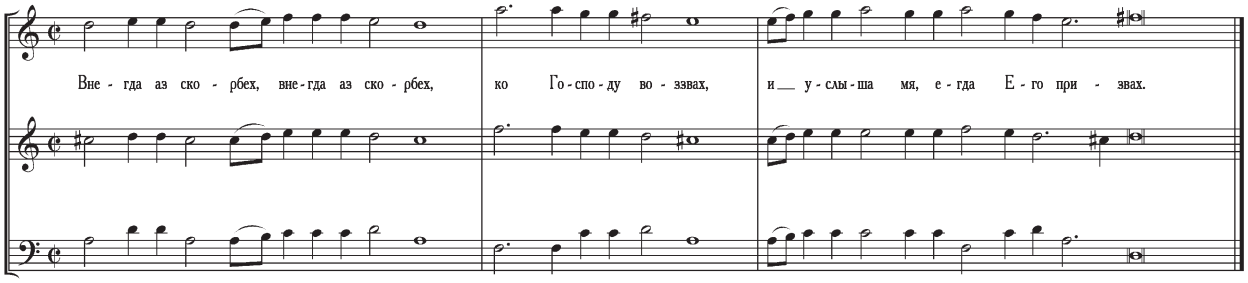
Аз бо на Тя уповаю,
Милости Твоей желаю,
Мысленно к тебе взираю,
Неумилно воспеваю.

Благословен Бог превечный,
Грешным нам есть милосердый.
Хвала Богу превышнему
В Тройце святей единому.

* В Тит. 4172 часть партитуры на л. 138 вписана ошибочно, повторяя л. 137. Музыкально-поэтический текст приводится по рукописи Сол. 693/801.

Внегда аз скорбех

Тит. 4172. Л. 106.



Внегда аз скорбех [2], ко Господу воззвах,
И услыша мя, егда Его призвах.

Душу избави [2] мою, о Господи,
От неправедных устен соблюди.

И от языка [2] человека льстиваго,
Что бо воздастся от лукавства его.

Или приложит [2] ко языку лстиву
Тебе сущи Господу незлобиву.

Стрелы силнаго [2], стрелы изощренны
И пустыннми угльми разженны.
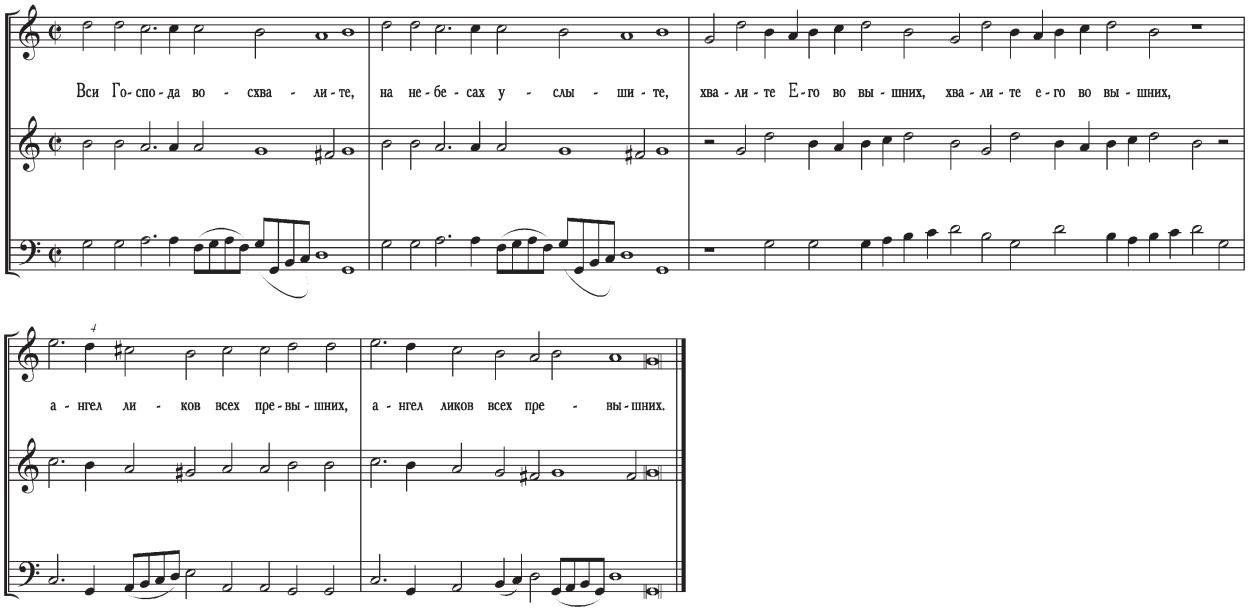
Увы яко мне [2] мое пришелствие
Есть удаленны в мое отшествие.

Вселихся с селы [2] много кидарскими,
Пришелствова бо душами странными.

Бых мирен с мира [2] ненавидящими.
Глагол моих туне и борящими.

Вси Господа восхвалите

Тит. 4172. Л. 107об.–108.



Вси Господа восхвалите,
На небесах услышите.
Хвалит Его во вышних [2]
Ангел лик всех превышних [2].

Хвалите Его вси силы
От всея своея силы,
Солнце и луна хвалите [2],
И звезды свет подвигните [2].

Хвалите небеса небес,
Вода, яже превыше небес
И имя Его восхвалят [2]
И во веки да похвалят [2].

Яко Той рече — и быша,
Той повеле — создашеся
И в век века Я постави [2],
Заповеди не престави [2].

Положи повеление,
Не преходит творение.
От земли Его хвалите [2],
Слов Его хранящая [2].

Змиевы бездны от хоти,
Огнь, град, снег же и голоти [2],
Дух бурная творящая [2].
Слов Его хранящая [2].

Древа холмы и вси холми,
Горы, звери и вси ветри,
Польныя скоты и гады [2],
Птицы пернаты от правды [2].

И вси земстии царие,
Князи и вси владарие,
И вси земстии судии [2],
Земнородные людие [2].

Старцы, юноши и девы
С юнотами и ивы
И имя Твое восхвалят [2],
От всех сердец да похвалят [2].
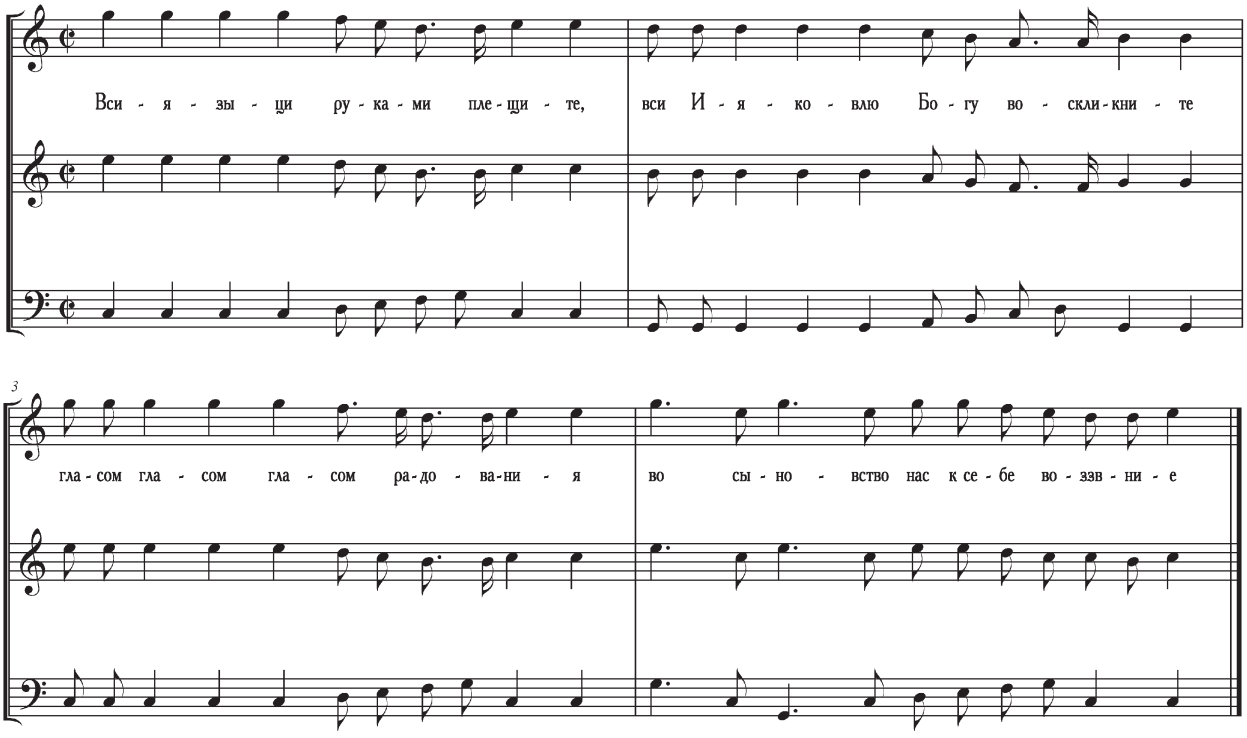
Яко зело вознесеся
И высоко возвысися
На земли и на небеси [2]
Исповедают Тебе вси [2].

Рог всех людей вознесеши,
Пений своих научиши,
И преподобных пения [2]
Израиля спасения [2].

Сыны его тебе поют,
И вовеки Тя воспоют,
И вси яже приближают [2]
Тебе люди восхваляют [2].

Вси языци руками плещите

Тит. 4172. Л. 112об.–113.



Вси языци руками плещите*,
Вси Иаковлю Богу восклиците
Гласом, гласом, гласом радования,
Во сыновство нас к себе воззвание.

Аз вем яко Господь есть превышший,
Над цари всеми земными страшнейший.
Гласом, гласом, гласом радования,
Во сыновство нас к себе воззвание.

Се люди нам гордыи под ноги,
Покори языки царю многи.
Гласом, гласом, гласом радования,
Во сыновство нас к себе воззвание.

Избра Велий рабом вси велии
Иоанну, Петру, царем нашим.
Гласом, гласом, гласом радования,
Во сыновство нас к себе воззвание.

Лепоту, доброту Иаковлю
Исполнивый уже, их же аз возлюблю.
Гласом, гласом, гласом радования,
Во сыновство нас к себе воззвание
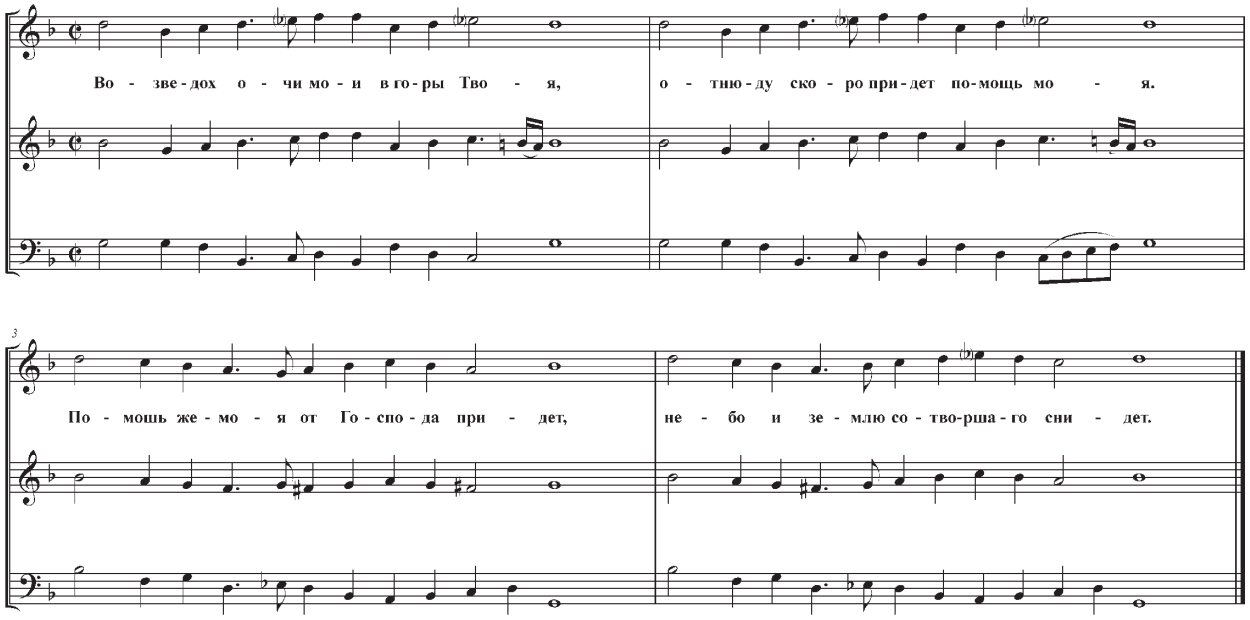
Исполнивый сице да исполнит
Иоанна, Петра во всем да приумножит.
Гласом, гласом, гласом радования,
Во сыновство нас к себе воззвание.

И вы сие с нами вси да рцыте,
Ко Господу з сердца да гласите
Гласом, гласом, гласом радования,
Во сыновство нас к себе воззвание.

* В рукописи РНБ ОР. Тит. 4172 записаны только три начальный строфы. Полный текст даем по рукописи РГБ ОР. Ф. 178. № 9498. Л. 205об.–206. По-видимому, это не первый вариант текста; имена юных царей вписаны в него с заметным усилием.

Возведох очи мои в горы Твоя

Пол-Тит.; Сол. Л. 107об.–109.



Возведох очи мои в горы Твоя*,
Отнюду же скоро придет помощь моя.
Помощь моя от Господа придет,
Небо и землю сотворшаго снидет.

Не даждь твоея ноги во смятение,
Ниже храняй тя будет в дремание.
Не воздремлет храняй Израиля,
Ниже уснет, когда врагом возбраняя.
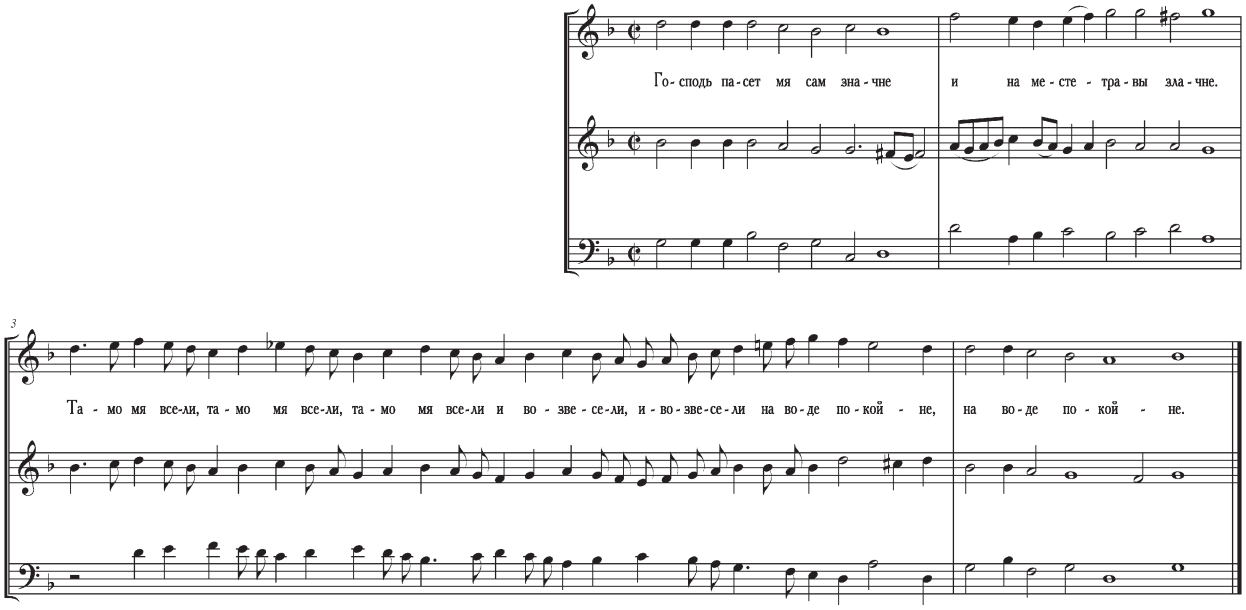
Господь покров над твоея десницы,
Господь красота твоя есть лицу.
Не ожжет тебе в день солнце сиянми,
Ни луна в нощи своими блистанми.

От всякаго зла Господь тя сохранит
И душу твою от греха возбранит.
Господь сохранит твое вхождение
Во веки веков исхождение.

* В рукописи Тит. 4172 текст не полон, приводим его по Сол. 693/801.

Господь пасет мя

Тит. 4172. Л. 114об.–115.



Господь пасет меня Сам значне
И на месте травы злачне,
Тамо мя всели [2] во веселии
На воде покойнее [2].

И ничто же мя лишает,
Сам убо Господь питает.
Душу обратив [2], меня возвысив,
Доныне спасает [2].

На путь правды мя настави,
На стезю свою управи,
Имени ради [2] Сам мя пощади
И милость прояви [2].

Аще бо посреди пойду
Вся пути смертныя пройду,
Не убоюся [2], от зол спасуся,
С Тобою бо гряду [2].
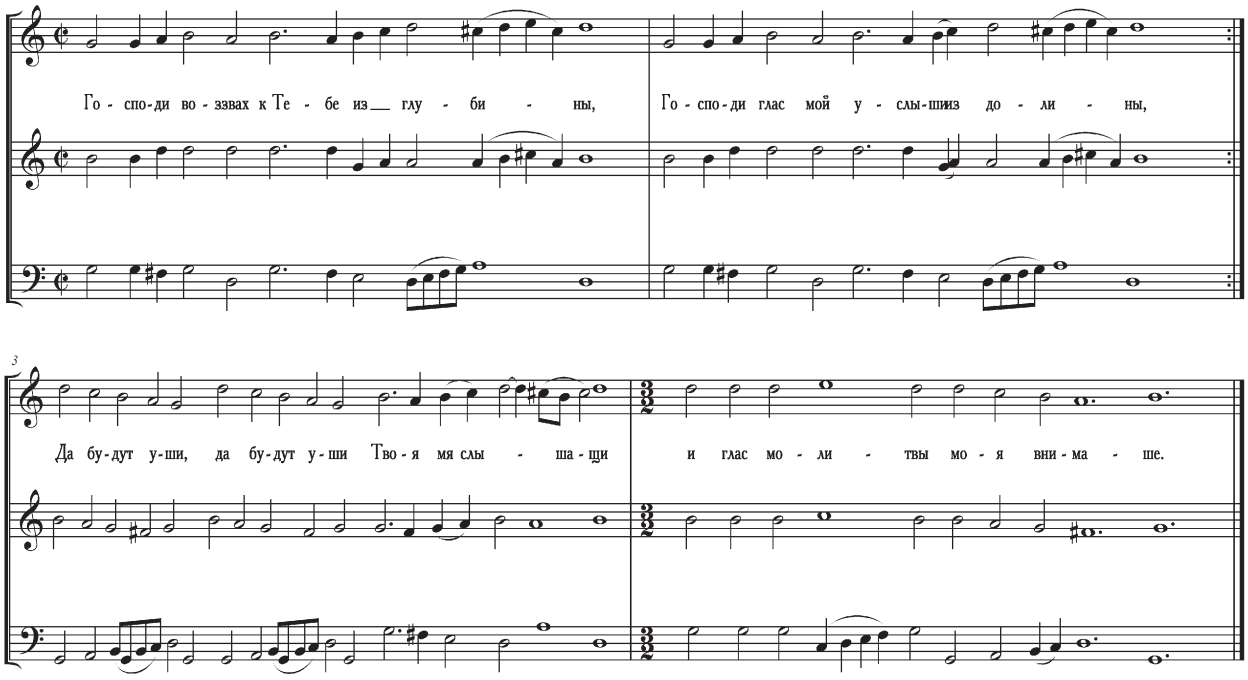
Палица Твоя и жезл Твой навеки,
Утешиста есть живот мой,
И уготовал [2], и мне зготовал
Под кров Свой [2].

И предстужавшим умастил,
Елеом главу украсил,
И чаша Твоя [2] упояет моя
В блазе пресполнена [2].

И милость твоя поженет
И присно меня постигнет,
В дом Твой вселюся [2], возвеселюся,
В долги дни Бог спасает [2].

Господи воззвах к Тебе из глубины

Тит. 4172. Л. 117об.–118.



Господи, воззвах к Тебе из глубины,
Господи, глас мой услыши из долины.
Да будут уши Твоя мя слышащи,
И глас молитвы моея внимаше.

Беззаконие аще око назрит
Твое Господи, никто же постоит.
Яко от Тебе есть очищение,
Господи Царю, и спасение.

Именем ради Господи Твоего
Потерпи, душа, телеси моего.
В слово же Твое аз уповаю
И на Тя надежду свою возлагаю.
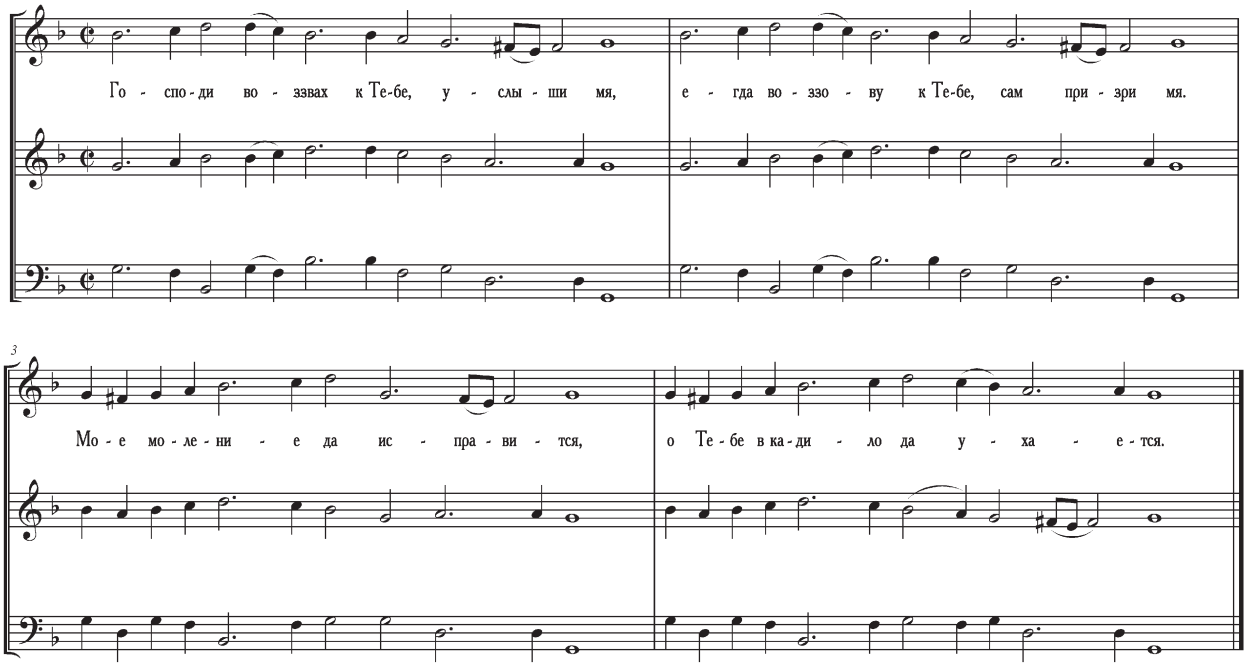
От стражи утренния даже до нощи,
От стражи утренния даждь помощи.
Израиль на Тя всегда уповает,
О Тебе милость по сем избавляет.

Ты Израиля сам избавляешь,
От беззакония всех очищаешь*...

* Возможно, текст не закончен.

Господи воззвах к Тебе, услыши мя

Тит. 4172. Л. 116об.–117.



Господи, воззвах к Тебе, услыши мя,
Егда воззову к Тебе, сам призри мя.
Моление мое да исправится,
О Тебе в кадило да ухается.

Руку моею милостивно приими
Молебная воздеяния вонми,
Любовию яко жертву всеприятну
Яви милость яко и заизрядну.

Аще бо не Ты мене услышиши,
На моления моя Сам призриши
Спасителя нигде же обретаю,
Яко Тя единаго Бога знаю.

Мне несть к тому прибежища инаго,
О Тебе бо сокрушаю врага злаго,
Прегрешенми бо аще и связахся,
Ибо веры никогда отлучахся.
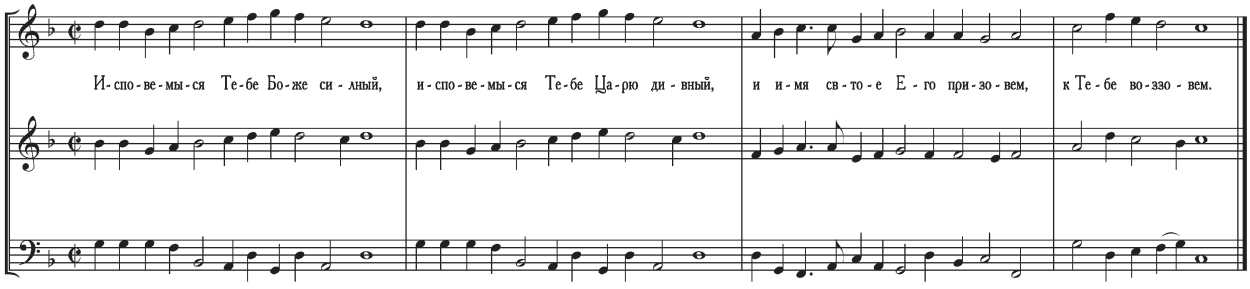
Накажи мя, праведный, сам в милости,
Ангельский и всех царю, во благости,
Со гневом бо аще назриши наш грех,
Абие мал обрящется во всех спех,

Христе, туне мук вечных возроди мя,
Христе, воскресением обнови мя*.

* Акростих: *Герман монах моляся писах.*

Исповемыся Тебе, Боже силный

Тит. 4172. Л. 131об.–132.



Исповемыся Тебе, Боже силный,
Исповемыся Тебе, Царю дивный,
И имя святое Его призовем,
К Тебе воззовем.

Повем вся чюдеса Твоя, Владыко,
Егда правоты аз суду толико,
Егда же будет приятное время,
Ты упаси мя.

Растаяся земля и вся яже на ней,
Аз же утвердих столпы твердыя ей,
Рех беззаконным: не беззаконуйте,
Не лукавнуйте.

На высоту рога не возносите,
На Бога неправды не возлагайте,
Силою вашею не хвалитеся,
Но смиритеся.

Яко ни от исход вод, ни от запад,
Ни от пустых гор потрясающих ад,
Но везде бо Бог есть сам невместимый,
Судия силный.

Сего возносит, а сего смиряет,
И чашу в руце своей растворяет,
Вино нерастворенно гнев сотвори,
Милость раствори.
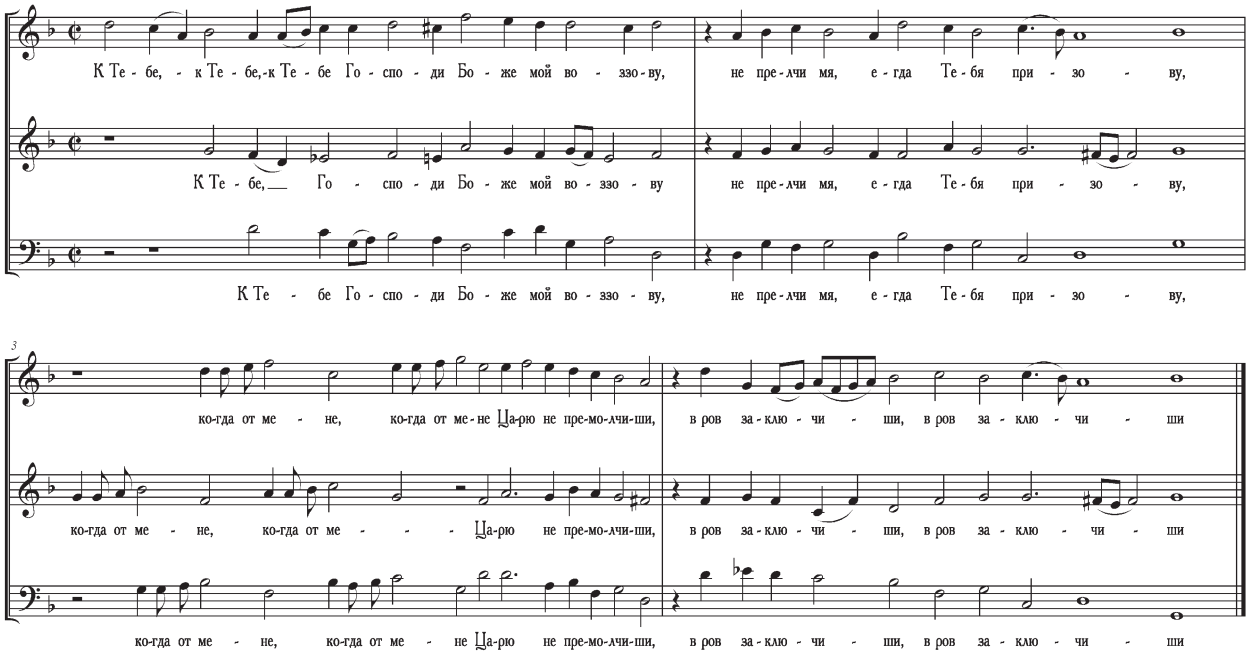
И сего в сию уклоняя всего,
Но не истощишася дожди Его,
Яже вси земли грешнии испиют,
Гневом упиют.

Аз же возрадуюся во вся веки,
Богу Иаковлю пою с человеки
И вся роги грешних сломлю и сотру,
До конца потру.

Тогда праведнаго вознесется,
Крепостию вышняго упасется.
И вовеки Его присно восхвалим,
Славно прославим.

К тебе Господи Боже мой воззову

Тит. 4172. Л. 140об.–141.



К Тебе Господи Боже мой воззову,
Не премолчи мя, егда Тя призову,
Когда от мене [2] Царю не премолчиши,
В ров заключиши [2].

Услыши глас мой моея молитвы,
Егда молюся Тебе Боже святый,
Внегда воздети [2] во церкви святей Твоей
Две руце моей [2].

Не превлецы же мене во грешники,
И не погуби со неправедными,
Иже глаголют [2] мир во ближних свих
В злобе сердца их [2].

И даждь Господи по делом лукавым,
По делом руку их даждь им неправым
Воздаяние [2], им их Ты воздавая,
Всех озлобляя [2].

Не разумеша в дела убо Твоя,
И в дела руки Господи Твоея,
Разориши их [2] Ты и не созиждеши,
Вся разбиеши [2].

Благословен Бог яко мя услыша,
Человек моления моего не внуша,
Господь помощник [2] мой Бог и защититель,
Царь и спаситель [2].
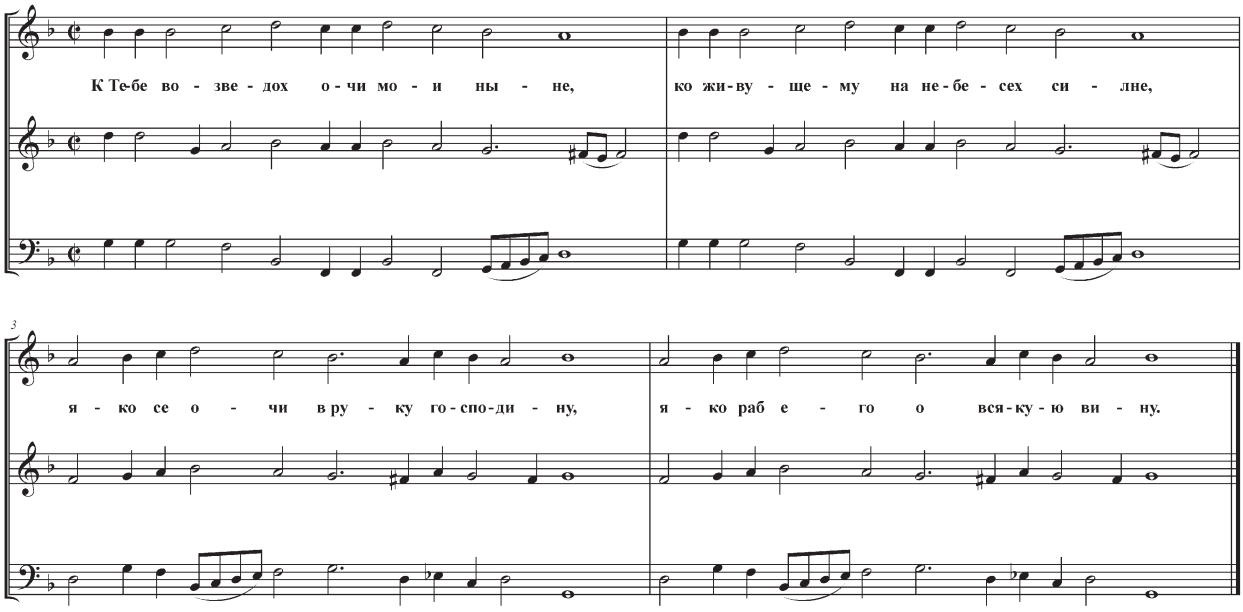
Нань мое сердце присно уповает,
Помогшу ему плоть процветает,
Исповем Ему [2] аз волею моею
Песнью Твоею [2].

Утверждение Господь людем своим
И защититель спасением многим,
Христа моего [2] Той же есть возносящий,
Рог подносящий [2].

Спаси вся люди Твоя о Господи,
И достояние Твое соблюди,
И благослови [2], и до веки упаси,
По днем вознеси [2].

К тебе возведох очи мои ныне

Тит. 4172. Л. 142об.–143.



К Тебе возведох очи мои ныне,
Ко живущему на небесех силне,
Яко се очи в руку господину,
Яко раб его о всякую вину.

Яко рабыня светло очи ся
Зрят присно в руку госпожи своея,
Тако наши ко Господу своему
Зрят присно очи к Богу нашему.

Дондеже когда ущедриши силны,
Царь царем Бог и владыка единый,
Помилуй всех нас, помилуй Господи
И от непастей всяких свободи.

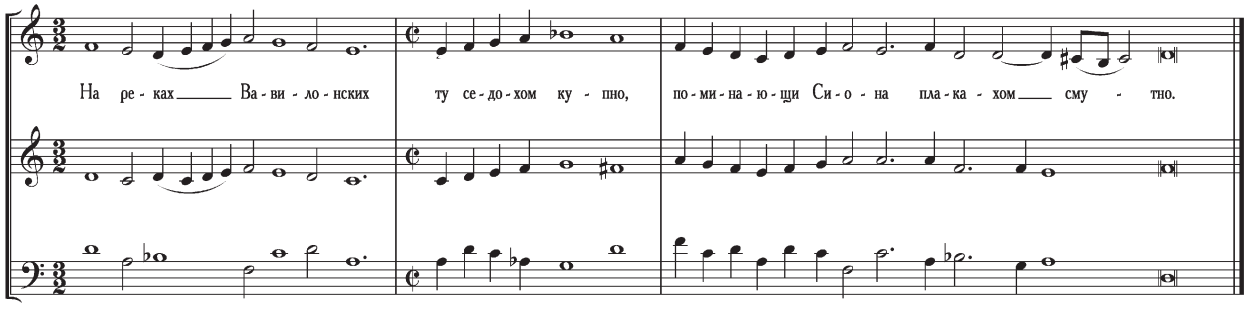
Яко помногу уничижения
Исполнихомся поношения,
Наипаче ми наполнися душа
Поношения и уничижиша.

Иже гордятся присно поношают
И з ату гордыню погибают,
И гобзуюше всем нам посмевают*.

* Последний стих отсутствует.

На реках Вавилонских

Тит. 4172. Л. 146; Q.XIY.25. Л. 93об.–94.



На реках Вавилонских ту седохом купно*,
Поминающе Сиона, плакахом смутно.
На вербии посреде повешши органы,
Вся наша свирели, гусли и тимпаны.

Вопросиша нас тамо, иже нас плениша,
О словесех песенных и пети нудиша:
«Воспойте нам песней, рекущи, Сионских
В наших ныне сих странах Вавилонских».

Како на земли чюждей песнь Господню поим,
Юже в Сионе токмо в день радостный поим?
Аще забуду тебе, Иеросалиме,
В сей тесной Вавилонской глубокой долине?

Да язвена ми будет та моя десница!
Да не прикоснется к Еросалиму шуйца!
Язык мой ко гортани изсохше да прильпнет,
Егда тя в начале в радости не помянет!

Аще не предложу аз Иеросалиму
Яко в радость печал буди зима.
Но помяни Господи сыны Едомская,
Сице в Иерусалиме день глаголющая:
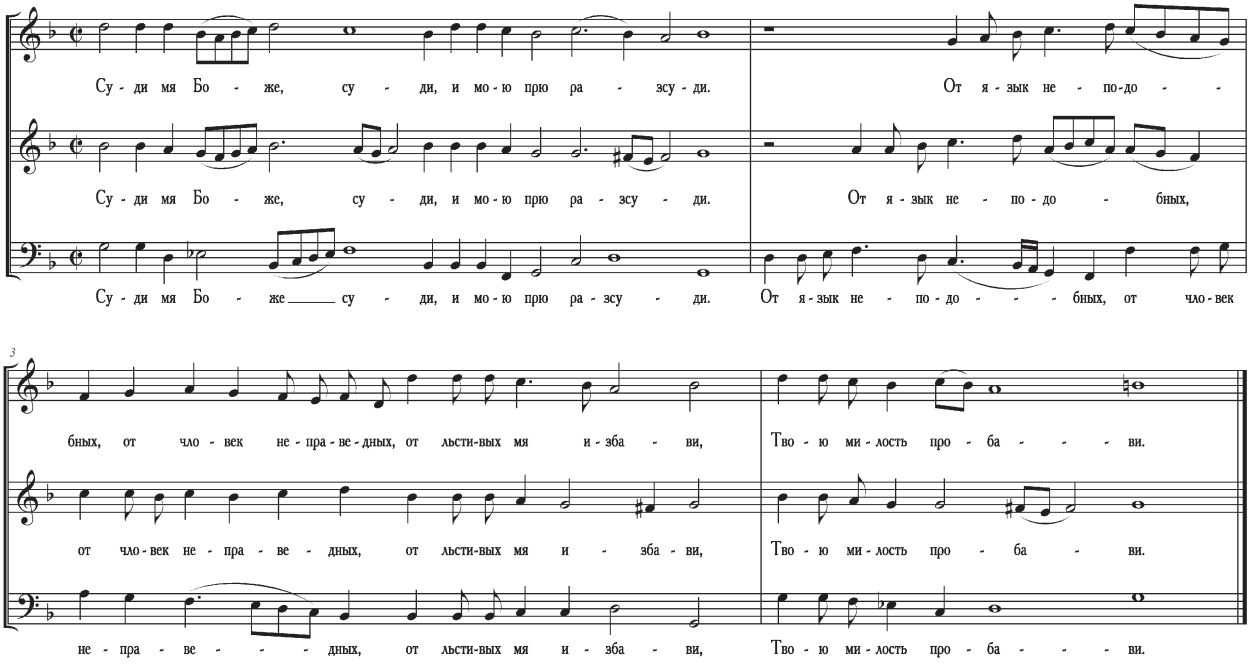
«До оснований его всего истощайте
И никто же в нем вконец и ничтоже не оставьте».
О окаянная дщи ты Вавилонская,
Блажен иже воздаст ти вся воздаяния,

Еже воздала еси всем нам в день смущенный,
Егда Иеросалим святый бысть плененный.
Блажен той, иже твоя вся младенцы имет
И во гневе о камень ударив разбиет.

* Часть этого псалма в Тит. 4172 утрачена; полный текст даем по рукописи РНБ ОР, Q.XIY.25. Л. 93об.–94.

Суди мя Боже, суди

Тит. 4172. Л. 177об.–148.



Суди мя, Боже, суди
И прю мою разсуди.
Язык непреподобных,
От человек неправедных,
От льстивых мя избави,
Твою милость пробави.

Ты бо еси держава
Моя Боже и слава,
Воскую мя отрину,
Воскую мя низрину?
Печаль ми умножает,
Внегда ми враг стужает.
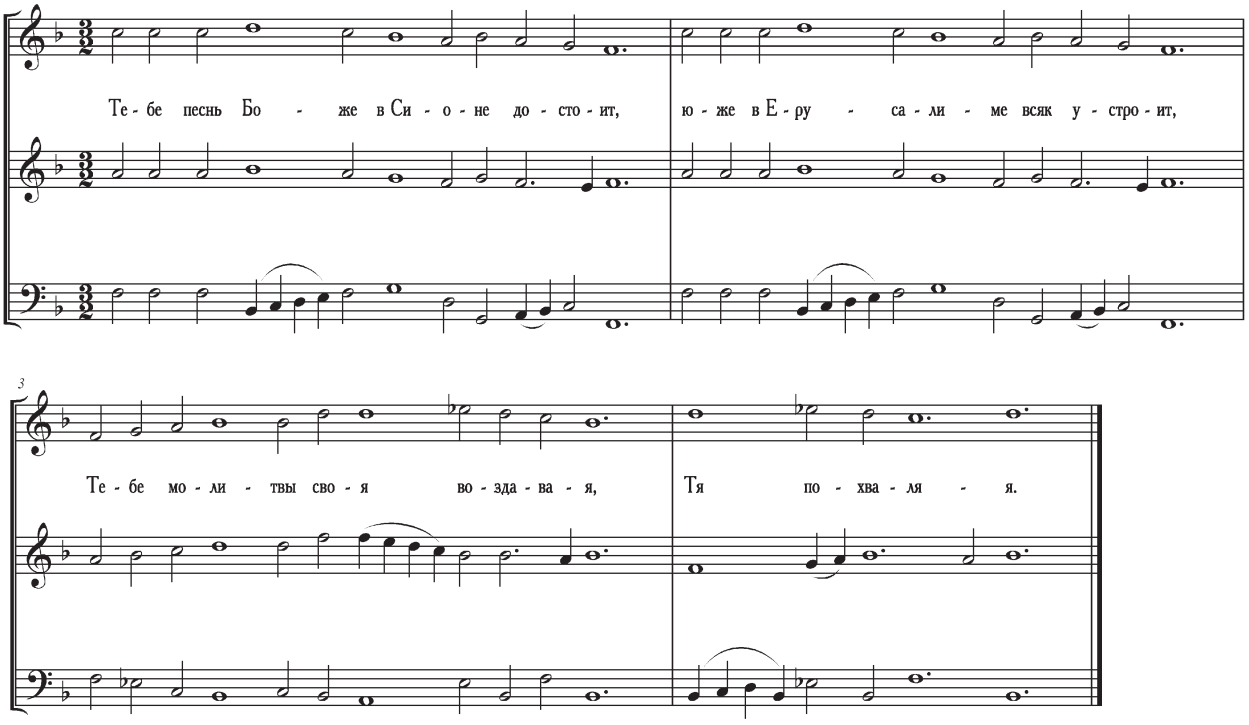
Посли свет Твой истинный,
На путь настави дивный.
Во святую гору введет,
В села Твоя введет,
И вниду ко олтарю
Твоему, Боже царю,

К Богу веселящему,
Юность мою зрящему.
Исповем в гуслех Тебе,
Боже мой, присно Тебе.
Воскую, душе моя.
Прискорбна крепость твоя?

Во скую мя смущает
И зело ужасает?
На Бога все уповай
И Ему исповедай,
Спасителя своего,
Бога лица твоего.

Тебе песнь [Боже] в Сионе достоит

Тит. 4172. Л. 184об.–185.



Тебе песнь [Боже]* в Сионе достоит,
Юже в Ерусалиме всяк устроит,
Тебе молитвы своя воздавая
Тя похваляя.

Услыши мою молитву, Владыко,
К тебе придет во плоти великой [?],
Словеса зловерных нас премогают,
Всех низлагают.

Нечистыя же ты очищаюши,
Вся наша злая сам презираеши
И блажен есть той, Его же Ты избрал,
К Себе приял.

Веселится бо во святых дворех Твоих,
Исполниши же его благих исвоих.
Свята и дивна церкви Твоя в правде
Во святом граде.

Услыши нас всех, Боже спасителю,
Всем концем земли сый Вседержителю,
И в мори сущим Ты упование
И радование.

Горы в крепости своей готовляяй,
И вся глубины морския смущаяй,
Силою Ты Бог есть препоясанный,
Не описанный.

Шуму Его волн морских кто постоит?
Смятется живый и вск род убоит (убоится)
Концах всех земных от Твоих знамений,
Страшных явлений.

Исходы утру Ты устрояеши,
И запад в вечер Ты подаваеши.
Ты еси всю землю Свою посетил,
Дождем напоил.

* В скобки взято пропущенное в рукописи слово.

Умножая еси ю обогатити,
Реку Божию водой исполнти,
Сготовил еси пищу им над ними
Делы Своими.

Яко тако есть уготование,
Бразды их упой во гобзование,
Жита их многа в полях их умножи,
Всеми ублажи.
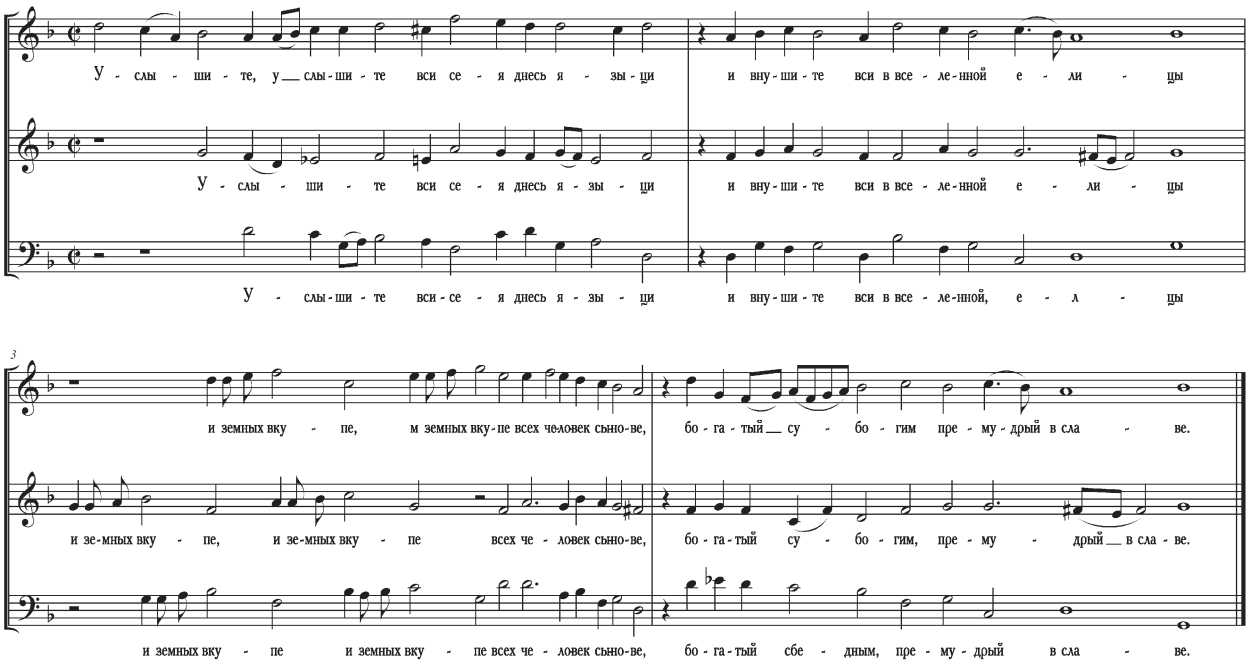
Возвеселится возсияющий
Всяк, егда лета благословляющий,
Благости Твоей венец полагаяй,
Всех насыщаяй.

И поля твоя тука насытятся,
Красных пустыня пребогатятся,
Препояшуься радостию холмы
В богатстве болми.

Овни овчии тех умножиша,
И удолия пшеницу прияша,
Умножатся же и зело воззовут
Ибо воспоют.

Услышите вси сея днесь языци

Тит. 4172. Л. 185об.–186.



Услышите вси сея днесь языци
И внушите вси в вселенной елицы
И земных вкупе всех чловек сынове,
Богатый с убогим, премудрый в славе*.

Премудрость моя уста возглаголют,
И разум сердца моего отрыгнут,
Преклоню в притчах аз ухо мое ныне,
В псалтири отверз гадание силне.

Вскую боюся печали в день лютый,
Грех пяты моея обыдет мя скутый
Но в силе Твоей их же бо надеяхся
Всуе множество богатства хвалятся.

Брат не избавит, чловек ли избавит,
Богу измены за ся не давает,
Яко несть цены, но не избавления
За душу свою, ни откупления.

И утрудися вовеки жив будет,
До конца смерти видеста не будет,
Егда увидит их всех умирающих,
Премудрых воскоре погибающих.

Вкупе безумен с ним и несмысленный
Будет во гневе в часе погубленный,
Оставше чюждим все свое богатство,
Гроб их вовек жилище и могутство.

Селения их в род и род погибоша,
Имена свои в земных нарекоша.
Сему бо во всем той уподобися,
Соблазн их сей путь, им же приложится.

И человек сый в чести не разуме,
Яко несмыслен скот обезуме,
Смерть упасет их, ими обладает,
И правы убо блага их вкушает.

Во устех своих по сих благоволят,
Но яко овцы во аде положат,
Но обаче Бог мою душу измет
Адовы руки, егда мя примет.

Помощь вся их во аде обетшает,
Славы своея грешный низпадает,
И слава дому его умножится,
Вся бо вскоре сия разорится.

* Последняя строфа повторяет 8-ю. Партитура та же что и «*К тебе Господи...*».

Не убойся всяк егда суть благими
Грешнии людие погибают всеми,
И слава его отходит с ним купно,
Юже стяжал есть законопреступно.
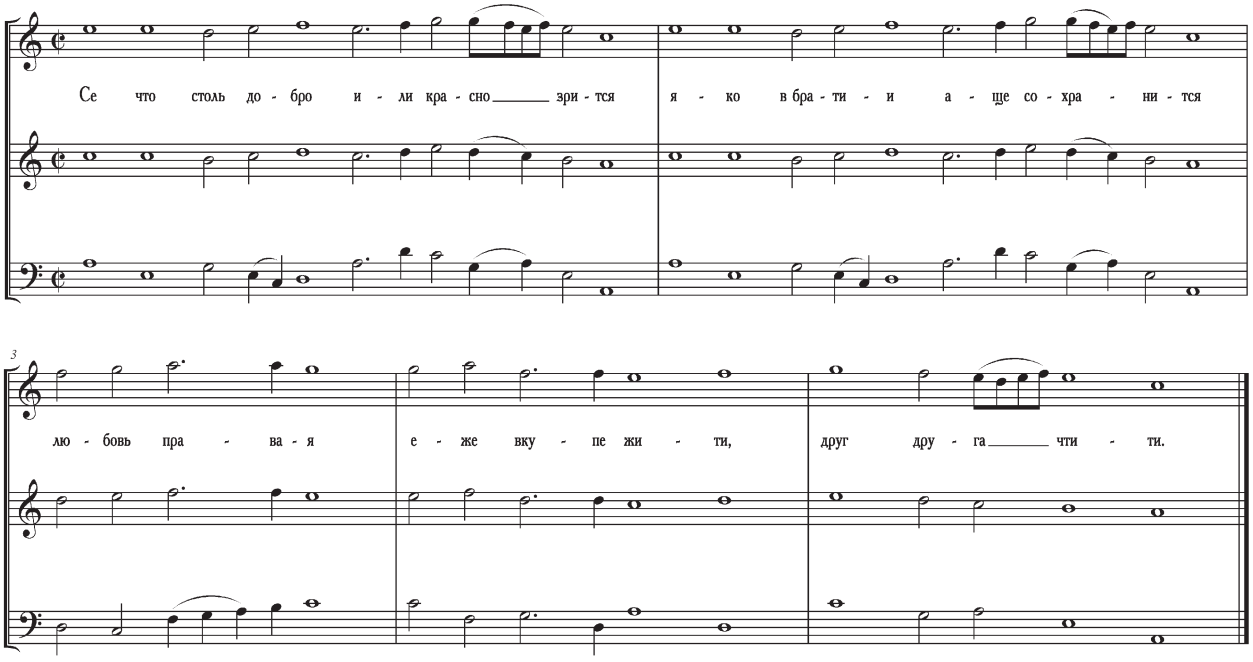
Вижду бо яко страшно умирает,
Не вся ли сия другим оставляет.
Исповесть тебе егда совершиши,
В жизни сей ему благо сотвориши.

Душа же его в мире угобзися,
В животе его вся благословится,
Даже до рода лет своих вселит,
Даже и до века света не узрит.

И человек сый в чести не разуме,
Яко несмыслен скот обезуме,
Смерть упасет их, ими обладает,
И правы убо блага их вкушает.

Се что толь добро

Тит. 4172. Л. 200–200об.



Се что толь добро или красно зрится,
Яко в братии аще сохранится
Любовь правая, еже вкупе жити
Друг друга чтити*.

Яко же миро благовонно бяше,
Еже со главы на браду схождяше
Ааронову, и на риз ометы,
Прекрасныя цветы.

И яко роса иже Аермона
Плоднею творит и гору Сиона,
Благополезна, тако есть благая
Любы святая.

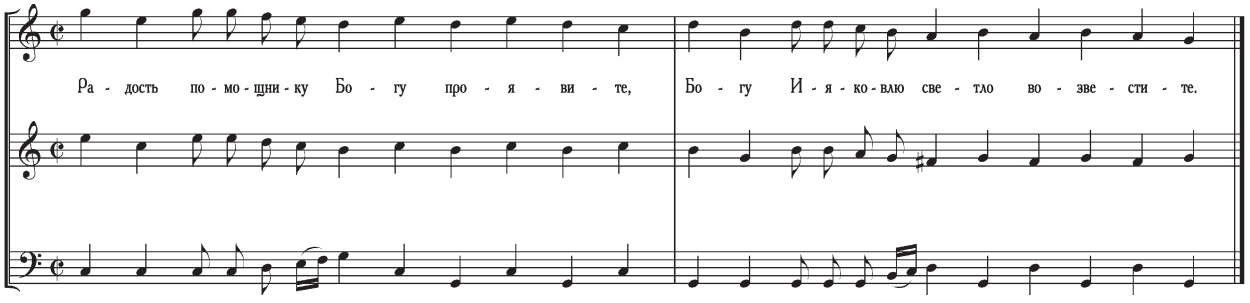
Ибо идее же та ся обретает,
Ту вся благая Господь посылает
И благословит жити человеки
Долгтя веки.

* Текст Симеона Полоцкого, партитура не Титова.

ИЗБРАННОЕ ИЗ РИФМОВАННОЙ ПСАЛТИРИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО – ВАСИЛИЯ ТИТОВА

Радосто помощнику Богу (пс. 80)
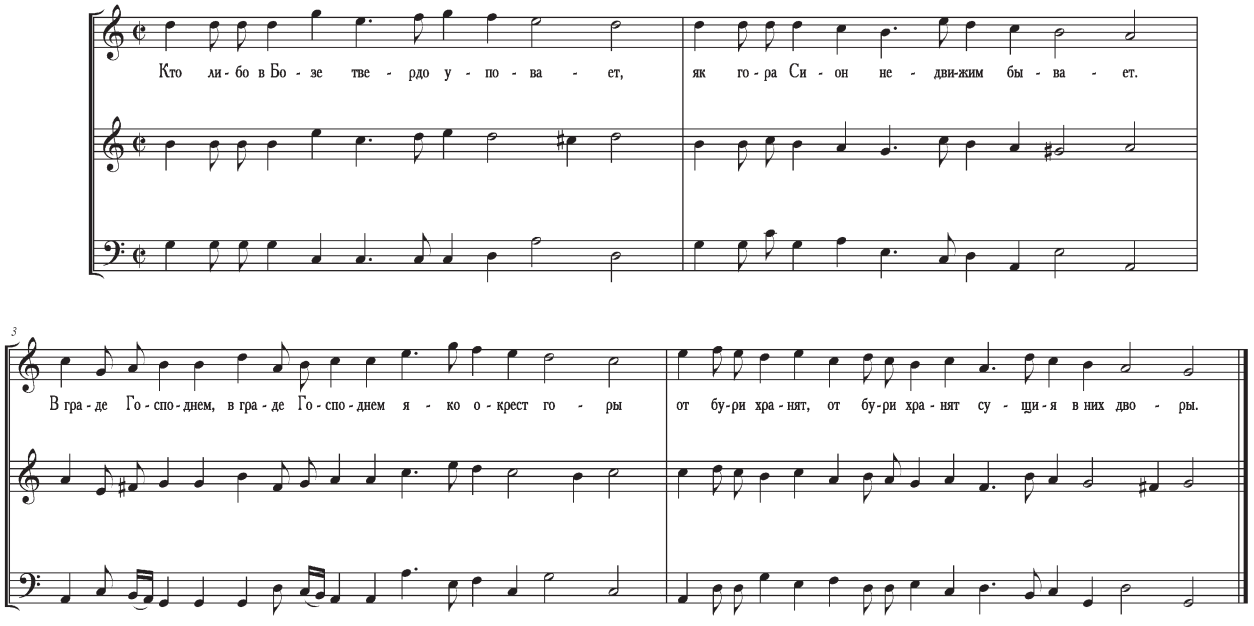
Сол. 692/800. Л. 74.



См. текст 80 псалма — с. 297.

Кто либо в Бозе (пс. 124)
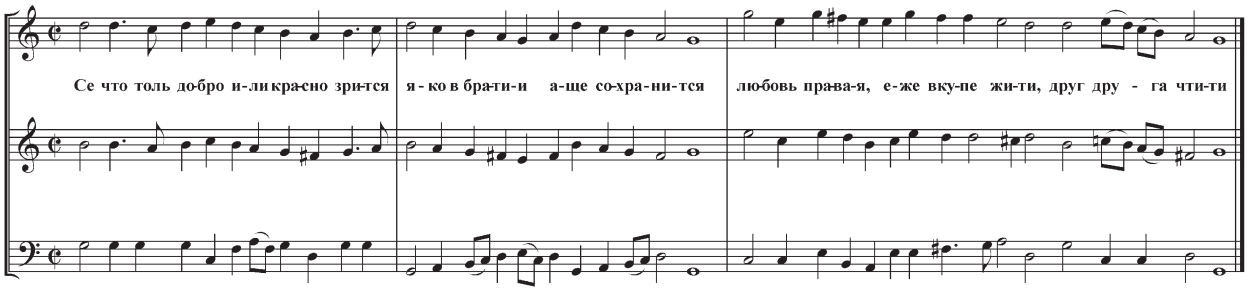
Сол. 692/800. Л. 109об.–110.



См. текст 124 псалма — с. 307.

Се что толь добро (пс. 132)
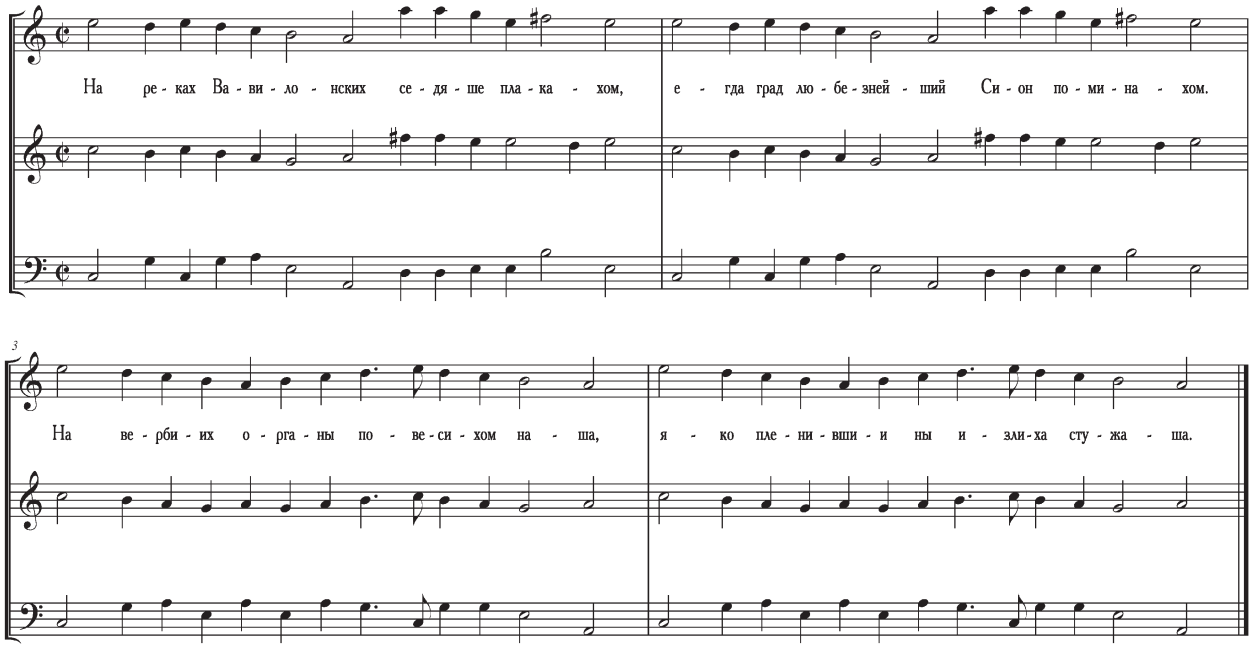
Сол. 692/800. Л. 116об.–117.



См. текст 132 псалма — с. 309.

На реках Вавилонских (пс. 136)
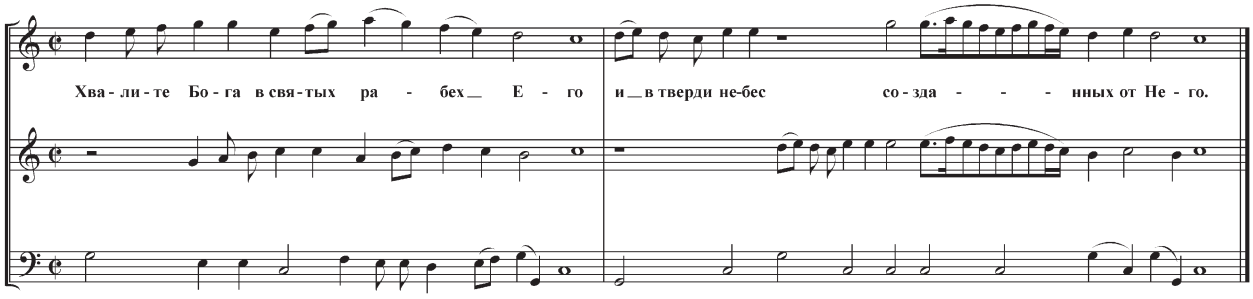
Сол. 692/800. Л. 120об.–121.



См. текст 136 псалма — с. 310.

Хвалите Бога в святых рабех Его (пс. 150)

Сол. 692/800. Л. 136об.–137.



См. текст 150 псалма — с. 314.

© Васильева Е.Е., 2009